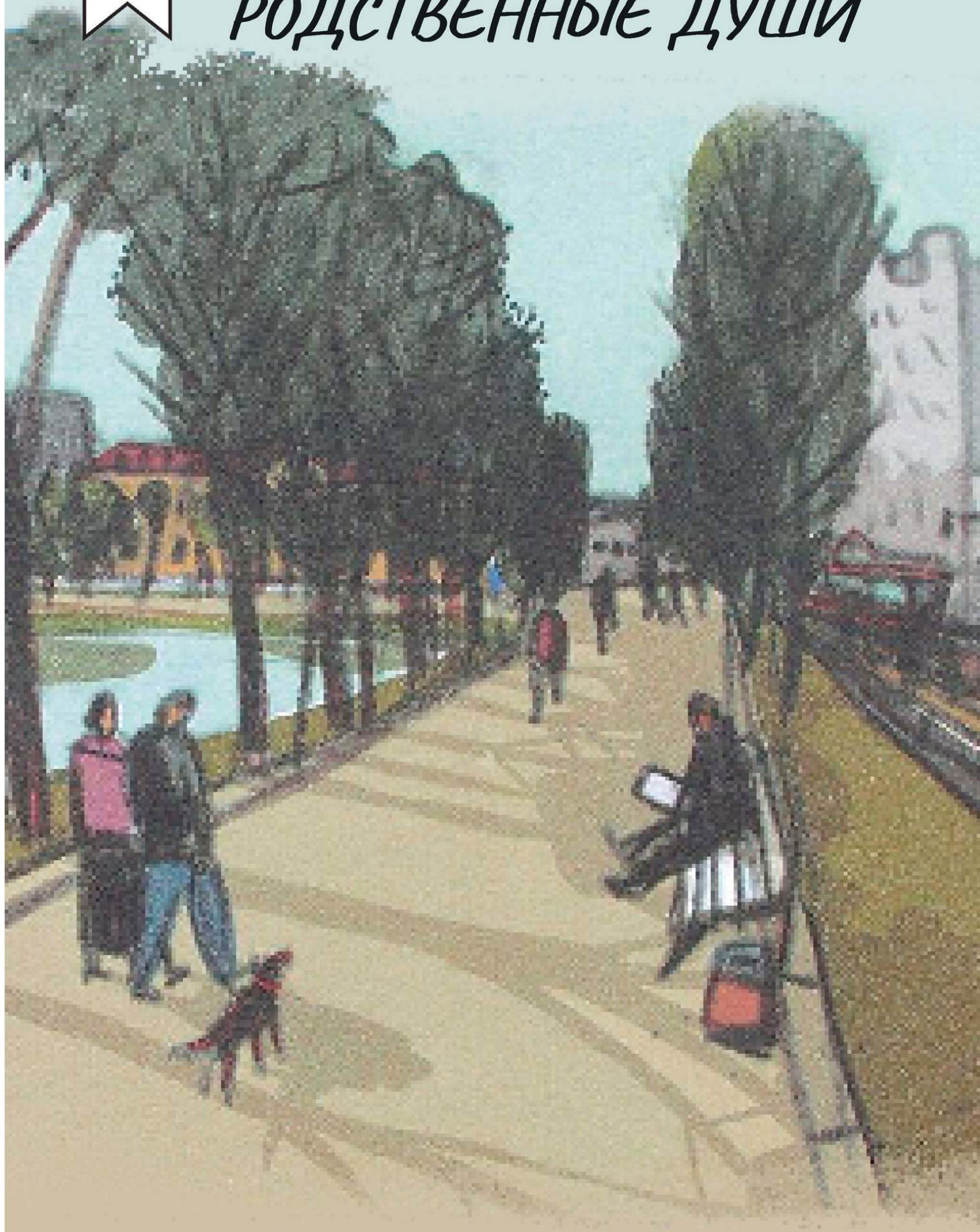

Дарья Еремеева
РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Ковчег (ИД Городец)

Дарья Еремеева

Родственные души

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Еремеева Д.

Родственные души / Д. Еремеева — ИД «Городец»,
2020 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907220-58-4

Сборник рассказов «Родственные души» привлечет внимание как любителей легкой юмористической прозы, так и тех, кто соскучился по старому доброму психологическому реализму. Короткие истории первой части сборника, пусть и озаглавленной «Легкие рассказы», не так уж и легкомысленны, они затрагивают болезненные вопросы нашей повседневной жизни. Герои рассказов второй части, названной «Простые рассказы», – актер, медсестра, переводчик, историк, журналист, музыкант, филолог, клерк, рыбак, учитель – ищут то, что в конечном итоге ищем мы все: спасения от одиночества. И спасение возможно, если посчастливится найти в нашем жестоком, но все-таки прекрасном мире хотя бы одну «родственную душу». Поиски эти описаны наблюдательным автором со знанием жизни и людей и, что главное, освещены теплым светом гуманизма – таким редким в нашей теперешней литературе.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-58-4

© Еремеева Д., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Часть первая	6
Звезды говорят	6
Фуршетники и посидельники	9
Влюбленный эйчар	11
Прялка	13
Я развожусь!	18
Осознанная личность	22
Психоаналитики	24
Поститься постом приятным	29
Разборчивая невеста	32
Гоша	36
Семейная реликвия	39
Часть вторая	41
Герой-любовник	41
Двое	44
Поросенок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дарья Еремеева

Родственные души

© Д. Еремеева, 2020

© ИД «Городец», 2020

Часть первая Легкие рассказы

Звезды говорят

– Я – топ, – представился мой будущий работодатель и погрузился в пышное кожаное кресло (кресло охнуло), – так что лишнего времени у меня нет. Английский мне нужен срочно. Главное – практика, я считаю. А cup of coffee?

– Yes, please.

– Ульяна, кофе, коньяк, сливки! Может, шампанского?

Я отказалась, потому что во хмелю делаюсь доверчивой. К тому же 10 утра...

– Ты ведь знаешь, как переводится с английского «топ»? – спросил топ, виртуозно переходя «на ты» и заодно проверяя мои знания.

– Вершина. Самый верх...

Он по-орлиному повел плечами и вытянул шею.

– Вершина вершине рознь. Но когда ты топ-менеджер нефтяной компании, то топ – это реально топ. – Он выдержал мхатовскую паузу. Я почтительно опустила глаза.

– Sugar? – Я кивнула.

– Ульяна! С сахаром! И кокос принеси.

– Коконат, – сказала я.

– Что?

– Коконат. Кокос.

– Понял. Андерстенд.

Начиналась история так: «Требуется дипломированный преподаватель английского. График работы свободный. Оплата по договоренности». Что-то робко предостерегало меня, пищало о подвохе. Интуиция, наверное. Говорят, у женщин она еще не до конца замещена разумом. Но я питаю слабость к словосочетанию – свободный график, так что воображение, разыгравшись, оттеснило безумную старушку-интуицию в темный угол. Мне показалось, будто рука судьбы уже простерлась надо мной и вот-вот погладит по голове.

Вошла секретарша, и в эту минуту даже начинающий карьеру карманник мог бы вытащить кошелек у меня из сумки, а каково же приходится мужьям, когда они несут зарплату своим женам, а на пути у них появляется такая Ульяна? Даже не верилось, что это дивное существо способно просто так ходить этими нечеловеческими ногами по улицам, говорить простые слова этими шелковыми губами. Такая зашкаливающая красота просто опасна для окружающих. Но, любясь секретаршей, я забыла описать главного героя. Он был в кожаных брюках, клетчатой рубашке и сапогах «какаручу киллер» с длинными носами, какими во времена золотой лихорадки ковбои давили тараканов в углах пивных. Не красивый, а, скорее, видный человек. Точнее, даже не видный, а выдавший виды. Помятый, одним словом.

Теперь вообразите кабинет топа.

Очень просторный. Пахло сигарами, кожей и кофе. Мраморный купидончик, подогнув под себя ножку, сидел меж двух окон на постаменте и показывал на меня пальчиком. Глубоко посаженными черными пуговками внимательно и оценивающе смотрели на меня четыре пухлых кресла. Рыжий кожаный диван с залысинами самоуверенным видом неуловимо походил на своего хозяина. Со стен зловеще улыбались африканские маски. На огромном столе топа теснились антикварные мелочи: пепельница-русалка, чернильница-пушка и бумагодержатель – увесистая женская грудь (наверное, подарок друга детства, с которым топ впервые рассмат-

ривал эротические фотографии, а затем линии их жизней разошлись и скрестились где-нибудь в холле пятизвездочного отеля на Мальдивах).

Антикварный столик неспешными стараниями Ульяны постепенно застраивался целым микрорайоном еды. Я протянула топу диплом, учебники и паспорт. Документы он просмотрел, а учебники отодвинул.

– Нет, этого не нужно. Ульяна, где сливки? Короче, схема такая. Ты приходишь утром и ждешь в приемной у секретаря. Там есть компьютер, зеркало, журналы, кофемашина, интернет. Как только у меня выпадает перерыв в работе, я нажимаю на кнопку, тыходишь и минут пять-десять говоришь со мной по-английски.

– Как же я за пять минут объясню вам фонетику, правила...

– Никаких правил. Я буду учить на лету. Ульяна, принеси шоколаду. Горячего. Очень шоколаду хочется.

– А если у вас целый день не окажется перерывов, я так и просижу...

– Иногда ты будешь заниматься со мной английским в лифте и в машине, в пробках. Короче, в свободные минуты.

Ноги мои осторожно выползли из-под стола, готовясь унести меня отсюда. Заметив это, топ хохотнул.

– Не, то, о чем ты подумала – это совсем другая вакансия! От тебя требуется английский и только английский. – И назвал сумму зарплаты, которая заставила меня задуматься.

Воображение опять разыгралось. Я уже представляла, как, отсидев тюремные полгода в приемной, увольняюсь и еще полгода трачу заработанные деньги, валяясь в соломенной шляпке на пляжах с томиком Бунина и развивая интуицию путем чтения мыслей поклонников на расстоянии.

– Мне нужно немного подумать...

– Подумай в приемной. Заодно освоишься на новом рабочем месте. Ульяна, опять лимон не принесла? Ну что с тобой делать!

В приемной сидели двое и играли в шахматы. Они тут же оставили игру и разговорились со мной. Худощавый жилистый господин холерического типа (психолог) и крупная миловидная девушка с большими руками (массажистка). Они работали здесь на тех же удивительных условиях, что были предложены мне. То есть забегали в кабинет и через пять-десять минут выбегали оттуда.

– В нашем полку прибыло! – сказал психолог, позитивно улыбаясь, и протянул мне листочек. – Это тест. Босс попросил вас протестировать. Отвечайте, не задумываясь. Первое, что придет в голову.

Вопросы делали честь воображению составителя:

1. Бойтесь ли вы находиться долгое время в замкнутом пространстве, например, в лифте, в шкафу?

2. Какие чувства вызывает у вас вид милицейских наручников (нужное подчеркнуть): страх, удивление, радость.

3. Как часто вы болеете и чем?

4. Верная ли вы жена?

Вопросов было так много, они были столь разнообразными, что невольно думалось, не служил ли составитель в советское время где-нибудь на Лубянке. Наконец я протянула психологу ответы, он сделал пометки, вызвал Ульяну, и она унесла бумажку, обдав нас фиалковым ароматом.

На стене приемной в пышной золоченой раме висела картина, очень романтическая: печальный голый юноша, грациозно избоченясь, устремил отрешенный взгляд на болото с лилиями. Голубоватое тело юноши призывало сравнить его с голубоватыми же лилиями и подумать о бренности жизни. Я от скуки стала думать как раз об этом, когда открылась входная

дверь и в приемную с улицы вбежал красивый чернявый парень в блестящем плаще и с такими же блестящими, тревожными глазами. Он наскоро поздоровался, метнул плащ на вешалку, нервно стукнул в дверь к начальнику и влетел туда.

– Наш астролог, – п ояснила массажистка, с почтением глядя ему вслед, – припоздал сегодня, волнуется. Обычно приходит каждое утро раньше всех, составляет прогноз на день. Советник и любимец босса.

– Звездный мальчик! – с каламбурил психолог и ободряюще мне подмигнул.

Прошло еще несколько томительных минут, и наконец меня вызвали в кабинет. Астролог сидел на диване со значительным видом, притворяясь, что листает журнал. Топ вкушал серебряной ложечкой густой горячий шоколад из пиалы.

– К сожалению, не могу тебя взять, – сказал он, облизывая ложку.

– Я не прошла тест?

– Не в том дело. Мне тут сообщили, что сегодня неблагоприятный день для важных начинаний. К тому же мы не сработаемся. Ты ведь Рыба, так? А я Лев. Вода огонь тушит. Конфликты неизбежны. Извини уж.

Я собрала учебники, вышла в приемную, попрощалась с массажисткой и психологом (оба проводили меня участливыми взглядами) и пошла домой, размышляя о том, что интуиция, конечно, интуицией, воображение воображением, но все в этом мире умолкает, когда говорят звезды.

Фуршетники и посидельники

Вы замечали, что одно из любимых занятий современного человека – деление других людей на две категории? На москволюбов и питеролюбов, толстовцев и Достоевцев, блондинок и брюнеткофилов... Сидят, допустим, у подъезда бабушки в кудряшках и тапочках, и одна говорит, что она прирожденная кошатница, а сын у нее убежденный собачник. Вторая уточняет: «Собачник? Значит, жаворонок? А то как же просыпаться-то?» – «Он самый, а я так соевой и помру», – отвечает старушка и гладит кошку клюкой. А над старушками на балконе стоит интеллигент средних лет в тренировочных штанах, покуривает элегантно сигариллу и думает: «Есть две категории людей...» Но нам он важен по другой причине: недавно он позвал меня на выставку актуального французского художника. Я актуальных художников не совсем понимаю, ибо не пришло мое время, а может, уже не понимаю, ибо мое время ушло, но на этого художника я пошла: иногда приятно уступить натиску интеллигента – владельца балкона, сигариллы и тренировочных штанов.

К тому же посещение современных выставок не затрагивает чувства, но будит мысль. А мою мысль необходимо будить, как спящую собаку, иначе она и не гавкнет ни разу. И еще: чем хуже выставка, тем очаровательнее ее концепция. Французский художник выразил концепцию просто. Он рассказал в микрофон, что, как только приехал в Россию, сразу понял: матрешка – это стереотип. И решил его сломать. Недолго думая, он разрубил стереотип на две половинки (отчего матрешка в продольно-рассеченном виде стала напоминать вложенные друг в друга саркофаги) и выставил по углам экспозиции. Кроме разрубленных стереотипов там были цветные тазики, улыбающийся череп и муляж человечка с медицинскими трубками отовсюду. Куратор сказала, что в жизни не встречала такого обаятельного черепа, что трубки, торчащие из муляжа, – это большое человечество, а матрешка символизирует бесконечность.

Как только концепция стала ясна, сделалось скучно. Я бродила туда-сюда, пару раз задела ногой пластмассовые тазики, чей сдвиг в пространстве не повлиял на общую композицию. И вот в недрах выставочного брожения родилась моя теория. Я вспоминала не художественные, а литературные фуршеты, на которых мне доводилось бывать чаще, и сделала вывод, что люди делятся на фуршетников и посидельников.

Фуршетники, как ясно из названия, чувствуют себя на фуршетах и приемах как рыбы в воде. Они в этих водах плавают годами и всегда хорошо выглядят, разве что немного примелькаются. Но не зря говорят, что отличительной особенностью стиля являются повторы, а если так, то повторяющееся мелькание на фуршетах создает стиль. У настоящих фуршетников уверенный голос, зоркий взгляд с широким охватом, ловкие движения. Они не стыдятся первыми подойти к столу, игриво подцепить вилочкой грибочек и отправить в рот. Потом взять тарелку побольше и наполнить всем чем бог послал. Тем временем посидельники жмутся в задах и терпеливо ждут, когда толпа закусывающих поредеет. Наконец они все же подбираются боком к столу, но видят лишь увядшие маринованные огурчики и сиротливый последний бутерброд. Пока посидельники раздумывают, насколько прилично взять это последнее, бутерброд не глядя хватает кто-нибудь другой. Посидельник довольствуется томатным соком (все остальное выпито) и идет искать кого-нибудь поинтереснее, чтобы увлечь в гости или в ближайшее заведение для посиделок. Вообще истинный посидельник ходит на фуршеты ради того, чтобы кого-то уговорить уйти оттуда. В этом занятии он очень азартен, он готов раскошелиться, готов даже заодно с друзьями накормить известного халявщика и его свежепойманную подружку. Нет, иногда он пытается воспитать в себе светскость. К тому же есть такой мотив, как голод. Он может заставить посидельника проявить активность и пробиться к столу, но фуршетная еда не приносит истинной радости, это не более чем банальное насыщение. Он вообще не любит есть

стоя, ведь для этого нужно минимум четыре руки. Одноразовая тарелка доставляет неприятности своей малой прочностью, и, пока в голове у посидельника крутится строчка:

«Но тарелки выются-выеются, а Федоре не даются», к нему подбегает приятель-фуршетник с ошеломительной сплетней о том, что восходящая литературная звезда спит с выпускающим редактором. Посидельник хватается за пуговицу и старается эту новость развить, провести параллели, чтобы удержать знакомого при себе. Фуршетник, однако, боится, что люди начнут расходиться, а он не всех рассмотрел и не со всеми словечком перемолвился. Он говорит «я сейчас» и исчезает. Посидельник вздыхает, проходит мимо влиятельной дамы, мимо хорошенькой студентки, косящей глазом на папика в джинсах, кроссовках и полосатом пиджаке (типичного фуршетника); мимо старого писателя, с которым говорить в такой суете лень, лучше позвонить потом; выходит на воздух и по дороге домой думает, что неплохо в выходные прихватить из дома на дачу гитару, если Савелий-археолог пообещает быть. С неизбывным наслаждением посидельник вспоминает прошлогодний юбилей Савелия, когда гуляли всю ночь. Под утро у трех ближайших друзей – посидельников со стажем – вдруг как в добрые юные времена, словно свитки, развернулись души, и признаниям и клятвам не было конца. Справедливости ради, гармония душ была поколеблена ударом наотмашь и криком «что бы ты понимал в моей жизни!» Но зачинающийся спор был укрощен, и градус откровенности искупил все, даже выбитый зуб хозяина...

Пока посидельник предается воспоминаниям, фуршетник остается до последней блондинки, до последнего нужного человека или собирает оставшихся фуршетников, нужных людей и блондинок в кучку и требует продолжения банкета. Если банкет продолжать невозможно, зал опустел, хмурые уборщицы толкаются боками, то фуршетник не вешает нос, а заходит в ближайшую кафешку, зная, что там давно окопались посидельники. Выпивает с ними, но за неимением достаточных визуальных впечатлений (два-три неизвестных прозаика, одна красивая, но трезвая чужая жена) начинает позевывать и спешит откланяться. Он бежит на другой фуршет. Между тем посидельники облегченно вздыхают, обсуждают падение нравов, сетуют, что все измельчало, даже водка уже не та, однако каждый тост воспринимают с воодушевлением и лихим выпиванием оной.

Влюбленный эйчар

Dear Olga!

Я твердо уверен, что Вы удивитесь, когда внезапно прочтете этот мейл. Ведь я новый человек в вашей крепко спаянной, эффективной команде, я, так сказать, для вас кот в мешке. Мое письмо к Вам не преследует цели личной и карьерной выгоды из-за вашей job position и эффектной внешности. О нет. Если вы проявите горячее желание ответить мне – я буду безмерно благодарен Вам. В связи с моей застенчивостью я не пользовался пока что очевидным успехом у женщин, но я упорно работаю над этим и твердо уверен, что все получится. Нужно верить в себя и не опускать руки! Вы яркая Женщина и обладаете всеми необходимыми Условиями для привлечения пристального Внимания к Вам мужчин. Я с детства имел мечту всей моей жизни. И вот она осуществилась: я работаю в крупнейшей международной корпорации. Я долго и упорно шел к этому, проделав непростой и тернистый путь, и вот я являюсь помощником эйчар-менеджера и всей душой верю, что товарооборот в нашей компании увеличится за счет улучшения работы эйчар-отдела и привлечения кадров, нацеленных на успех, карьерный и личностный рост. Таких, как Вы, кадров, Ольга. Я озвучиваю мои чувства к Вам лишь частично, не буду их детально прописывать, к тому же Вам нетрудно догадаться о них, анализируя мое поведение, а оно Вам наверняка уже бросилось в Ваши Глаза. Я долго не решался написать, но в результате двух-трех бессонных ночей понял, что испытываю к Вам большое и светлое, я бы даже сказал страстное, не боюсь этого слова – чувство. Любовь движет солнце и светило, как сказал Александр Пушкин – величайший поэт современности.

Пока, Ольга. Я желаю Вам крепкого здоровья, финансового благополучия, бодрости духа, карьерного роста, успеха в делах и оставаться такой же сексапильной (шутка).

Эльдар.

* * *

Спасибки за любовный реквест, Эльдар. Если не хочешь обозлить гену, не пиши вот это вот все на рабочее мыло, его мониторят, и ты не получишь халявный абонемент в фитнес-клуб, если гене доложат, что отрываешься от работы. Дедлайн типа. Тут в пятницу будет тим-билдинг, в боулинге, если ты ин, то отпишись. Там и поговорим за кружкой пива за жизнь, а сейчас у меня преза зависла, до вечера надо сделать.

ЗЫ: когда ты отправлял свой эпикфейл, то забыл убрать сиси, и твой мессидж отправился не мне одной, а всей рассылке. В ней 30 человек стаффа – весь отдел, короче. Заметил, как утром они на тебя смотрели? Они все теперь брейнштормят типа: что это вообще было? И офигевают. Считай, что тебе еще повезло, а то тут один секретарше нашей свою фотку в голом виде приаттачил – а мимо как раз зам гены проходил. Парень уволен. Кстати, в этой рассылке, которая теперь в курсе твоих чувств, три Ольги. Одна бухгалтерша 50-летняя, вторая секретарша гены и его любовница – это я просто предупреждаю на всякий. Я-то поняла, что это мне письмо, помню твои испепеляющие взгляды из дальнего угла, но эти двое тоже могут подумать, ю ноу. Что поделаешь – джобиздан, это надо пережить. Но ты держись, не отчаивайся.

Я понимаю, ты был в эйфории оттого, что тебя взяли к нам на хороший корм, и ты теперь крутой жених, но не забудь, что взяли на испытанку. Дам тебе маленький аккуртный эдвайс. Ты сначала войди в тему, научись с компом обращаться адекватно, а потом уже пиши любовные письма, окей? И бросай свои провинциальные штучки: я к вам пишу, чего же боле. В качалку лучше иди, солнце и светило. Смайл.

Пока, Оля.

* * *

Простите, Ольга, но это не вам было письмо.
С уважением, Эльдар.

* * *

Блин, так, значит, секретарше гены? Ну тогда ты уволен. Прости, но это моя работа.
Печалька.

* * *

Добрый день, Ольга!

Нет, вы ошиблись. Мое письмо было адресовано не секретарю генерального директора. И не вам. Я на всякий случай поставил сейчас СС на всю нашу вышеизложенную переписку, чтобы наш коллектив ознакомился с неправомерными угрозами, которые вы предоставили мне, причинив мне серьезный моральный ущерб, и принял соответствующие меры.

С искренним уважением и надеждой на взаимное понимание,
Эльдар.

Прялка

В 1995 году Джон Бедфорд – доктор искусствоведения, профессор, автор нескольких книг о русском деревянном зодчестве, получил из России электронное письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый г-н профессор! К Вам обращается директор краеведческого музея заповедного Энского края. В Вашей книге «Особенности геометрического орнамента северной русской прялки и русский революционный авангард» упоминается уникальная прялка XVI века, из нашего музея. Мы рады сообщить Вам, что благодаря упомянутой Вами прялке администрация Энска подарила нам компьютер и связанную с ним электронную почту. Благодарим Вас за интерес, проявленный к уникальному экспонату! Наш музей рад предложить Вам любую помощь в дальнейших изысканиях!

Хочется также обрадовать Вас и тем, что помимо прялки у нас хранится уникальная цельнодолбленная люлька с фрагментами орнамента, напоминающего прялочный. Есть все основания предположить, что эти два предмета создавались парно и одним и тем же мастером.

*С надеждой на дальнейшее сотрудничество,
Директор Энского областного краеведческого музея
Пряхов, Павел Петрович».*

Прабабушка Джона Бедфорда была русской дворянкой, и Джон не просто любил русскую старину, но и хорошо говорил по-русски. Он тут же написал ответ.

*«Дорогой господин Пряхов!
Сердечно благодарю Вас за письмо! Я не был в России с времени Брежнева и мечтал бывать у вас и видеть, что изменилось после устранения Советского Союза. Не скрою, движет и профессиональный интерес. Хотелось бы увидеть, наконец, вочи сокровище прялку! Люлька также возбудила большое любопытство у меня. Будьте очень добры, напишите, как долго идет путь к вам из Москвы и где я мог бы остановиться.
С уважением,
Джон».*

Бедфорд взволнованно пошарил по карманам, нашел пачку сигарет и вышел покурить на крыльцо. Россия! Это можно оформить в рамках его академического гранта как командировку-экспедицию и действительно увидеть прялку и люльку. Еще более взволнованный, Джон вернулся в кабинет и с удивлением обнаружил новое письмо от Пряхова.

*«Уважаемый профессор Бедфорд!
Вот как полезны информационные новшества в деле спасения старины! Наши сотрудники уже месяц как осваивают компьютерную грамотность и всемирную сеть Интернет.*

Итак, как к нам добраться. Музей наш расположен в бывшей усадьбе князей Мушкиных. Это в 250 километрах от Москвы, в 50 километрах от Энска и 20 километрах от Коселков. Поезд идет к нам из Москвы не через Энск, где нет железной дороги, а через узловую станцию Ухино, по дороге в другой город – Макушкин. То есть сначала Вам надо ехать на Макушкин, но, не доезжая до него, сойти в Ухине. Там нужно пересестись на электричку, идущую на Букин, но сойти, опять же, не в самом городе, а на станции Коселки.

Обязательно спросите в кассе – какая электричка на Букин останавливается в Коселках, они далеко не все там останавливаются. Сидя в поезде, слушайте очень внимательно – машинист говорит неразборчиво. Если не поймете, что он говорит, – спросите у попутчиков. В Коселках Вы должны выйти из последнего вагона, пройти по тропинке в лесу, идущей перпендикулярно движению поезда (голову покройте головным убором, нынче сезон клещей, уже зарегистрировано несколько случаев энцефалита, а медицинская помощь теперь сами понимаете какая! В переломный момент живем!). Пройдя минут 15 по подлеску (Вы вскоре почувствуете запах жареных пончиков – ориентируйтесь по нему), Вы увидите перед собой небольшой автовокзал и киоск, где сможете купить воды и сигарет. Пирожки, чебуреки и пончики я покупать не советую, наш дворник Вася однажды рискнул и сильнейшим образом отравился. Разливное пиво и квас тоже брать не стоит. Лучшие мы угостим Вас натуральной смородиновой настойкой (с наших музейных кустов). Если очень проголодаетесь, купите арахис в пакетиках или сникерс, но они дорогие – заразы. Впрочем, Вы себе сможете позволить, я уверен».

Профессор Бедфорд оторвался от письма и посмотрел в потолок, что-то словно пытаясь вообразить. Он мотнул головой и продолжил чтение:

«На автовокзале Вы, скорее всего, обнаружите, что автобусов нет, они ходят нерегулярно (бастуют, а что поделаешь, людям тоже жить хочется!). Вам нужен автобус номер 2, но лучше возьмите частника, это быстрее. Пытайтесь найти пожилого человека с добрым лицом и говорить кратко, чтобы водитель не распознал акцента, а то задерут цену. Бомбилы – они такие хапуги! Торгуйтесь до трех тысяч. На Ваши деньги это около двух долларов. У нас тут инфляция, цены очень быстро меняются. Скажите таксисту, что Вам нужно ехать до поворота на Макушкин. Дальше все равно никто не повезет, там дорога непроезжая. Выходите на повороте и пройдите пешком по свежему воздуху около тридцати минут. Обязательно возьмите зонт и резиновые сапоги, иначе в дождь не проберетесь! Можно срезать путь и пройти через лес, но не советую. У нас там беспокойно бывает, карьер рядом, и в нем купаются разные, скажем так, преступные элементы.

Зона неподалеку дает о себе знать. Можно пройти через заброшенную свиноферму, но, опять же, если нет дождя, иначе увязнете. Когда-то она работала, а теперь остался только навоз. И еще там сейчас стихийная свалка слева, поэтому держитесь правой стороны».

Профессор Бедфорд испуганно окинул взглядом свой кабинет, уставленный аккуратными книжными полками, пощипал бороду, протер покрасневшие от напряжения глаза и продолжил чтение:

«Итак, Вы идете прямо, затем направо вдоль реки, вверх по течению пять минут, и Вы увидите открывающуюся перед Вами обширную залитую весенним солнцем поляну и неотреставрированное, увы, но все еще сохранившее дореволюционное обаяние деревянное здание бывшей усадьбы князей Мушкиных. Вы на месте!»

Профессор Бедфорд шумно выдохнул, потянулся к пустой чашке кофе, заглянул в нее и отставил в сторону, похлопал себя по карману с сигаретами, но вытаскивать пачку не стал и продолжил чтение:

«Калитка не закрывается, Вы пройдете спокойно, а в дом нужно стучать погромче и подольше. Наша смотрительница Надежда Ивановна (она живет в музее) глуховата и может не услышать с первого раза. Не стесняйтесь стучать ногами! Я лично использую кочергу – стучу ею по водопроводной трубе. Кочерга стоит справа от двери, рядом с веником. Наши музей работает два раза в неделю, во вторник и четверг. Последний четверг месяца – санитарный день. Связано это с малым числом посетителей и небольшим штатом. Да и (между нами говоря) кто будет работать всю неделю за зарплату, которой едва хватает на дорогу и на чай с баранками (без сахара). Дожили, как говорится. Перемен, так сказать, требуют наши сердца, как сейчас модно говорить. Впрочем, Вам этого не понять, да и не нужно. Все мы приезжаем сюда из Коселков и из Ухина, а фондовик Ольга Олеговна из самого Энска, поэтому можем опоздать в связи с постоянными забастовками транспортников, о которых я уже упоминал. Такое нынче время! Даже такси для Вас заказать – дело для музея непосильное. У нас и личных автомобилей нет, какие автомобили в такое время поганое. Поэтому, если Вы придете первым, можете подождать в коридорчике на диване, Надежда Ивановна предложит Вам чаю. У нее давление, она бывает не в духе. Не обижайтесь на старушку, она стояла у истоков создания музея и прекрасный специалист в своем деле. Если она откажется открывать Вам дверь, скажите, что Вы от меня. Я ее предупрежу о Вашем визите, но она может и позабыть (старость не радость)! Обязательно вытрите ноги тщательно и так, чтобы она заметила – это важно для нее! Не пугайтесь, если во дворе музея Вы увидите выпившего человека с опухшим красным лицом и руками в ссадинах. Это Вася – наш дворник. Его вид не слишком выдающийся, и взгляд у него тяжелый, но он незаменимый работник, умелец на все руки. Без него наша коллекция не пережила бы перестройку – столько он предотвратил потопов и пожаров, сами понимаете. Дом-то старьей. Вася бездомный и живет тоже в нашем музее. Представляясь ему, умоляю и заклинаю – не говорите, что Вы американец, назовитесь англичанином, а лучше – ирландцем. Иначе Вася может наговорить Вам грубостей или даже толкнуть в грудь! Дело в том, что его жена сделалась челноком, потом обманом продала его квартиру в Ухине и сбежала в Америку. Такое время пошло, что тут прибавить! Вася с тех пор ненавидит Америку и говорит, что может голыми руками любого янки задушить. Это он шутит, но, боюсь, Вам будет это не очень приятно слышать. Мы тут всем штатом скрываем от него факт переписки с Вами.

Ну прощайте, дорогой коллега!

Я надеюсь, мы вскоре увидимся! Я сейчас отбываю на три дня на конференцию в Эн-Эмск, но оставил Ваш адрес моим коллегам на случай, если у Вас возникнут дополнительные вопросы! Пока что у нас один на всех электронный адрес, но пусть это Вас не смущает.

Р. S. Ах да! Прихватите фонарик помощнее! Он пригодится Вам в лесу (если поздно приедете), а еще у нас, бывает, отключают электричество (наш край сейчас, как Вы знаете, перешел на экономное потребление, что поделаешь, кризис, время такое поганое), окна музея заколочены (необходимая мера против воров), а на улице прялку выносить категорически запрещает наш фондовик Ольга Олеговна (Вы ее полюбите, она истинный хранитель старины, даже фотографировать прялку не разрешает), потому

единственный шанс рассмотреть без электричества – при свете нескольких фонариков».

Профессор Бедфорд перечитал письмо и задумался. Он распечатал письмо на принтере, затем достал карту России и попытался найти бывшую усадьбу Мушкиных или хотя бы поворот на Макушкин, но не преуспел. Перечитав письмо еще раз, он почувствовал волнение и голод. Он вышел в кафе, съел ланч и, вернувшись домой, обнаружил в почте еще два письма из музея. Оба с адреса Пряхова.

«Многоуважаемый профессор Бедфорд! Я Ольга Олеговна – ф ондовик музея. Павел Петрович разрешил нам переписываться с Вами в случае необходимости, и я спешу воспользоваться этим. Хочется доложить о плачевном состоянии здания нашего музея и знаменитой на весь мир (благодаря вашей статье) прялки. Я писала в иностранные фонды, но безрезультатно. Влажность и перепады температур (у нас выключают электричество) грозят прялке гибелью. Реставрацию нам обещали провести, но кроме нее нужны и условия хранения. Если у Вас есть связи или хоть какая-то возможность помочь жемчужине северной росписи – мы просим Вас об этом. И пожалуйста, напишите о визите заранее, мне необходимо быть в этот день на рабочем месте, чтобы обеспечить Вам просмотр прялки, не нарушая правил хранения.

P.S. Я восхищена Вашей статьей! Вот только датировка смущает – Вы на 30 лет состарили нашу прялку. Во втором абзаце Вы, видимо, имели в виду каргопольские тона, а не дымковские. Есть в статье ряд и иных недочетов, впрочем, обсудим это при встрече, которой очень жду. Приезжайте, Вас восхитит наша девственная природа. Скоро пойдут грибы, а это любимейшее занятие наших коллег, привезете в Америку сушеных белых грибов! Они легкие, хранятся хорошо, если правильно хранить – Вам их надолго хватит! Можно также сходить на рыбалку. Наш сторож Вася заядлый рыбак. Он человек непростой, но, если найти ключик к его душе, – о н покажет Вам такие рыбные места, что и не снились в Америке. Возьмите плащ с собой, у нас бывают сильные грозы.

*С огромным уважением и симпатией,
Ольга Олеговна Смекалина».*

Следующее письмо было с английским приветствием.

«Dear Prof. Bedford!

Я аспирант-искусствовед Михаил Завгородний, а проще – М айкл, прохожу в этом музее практику. Возможно, Вас заинтересует моя кандидатская «Западные влияния на российские северные орнаменты на примере прялок». Нельзя ли с этой темой выйти на грант? И не могли бы Вы мне сделать вызов на конференцию? За счет приглашающей стороны. В этой стране наука никому не нужна, и молодым пробиться невозможно. Вся надежда на Соединенные Штаты Америки. Как выжить молодому ученому, когда его творческая мысль лежит тяжким грузом в душе, похороненной в этом захолустье! Сделайте мне вызов на конференцию, и я расскажу всю правду о положении прялок и искусствоведения в постсоветской России! Я готов поступить к Вам на учебу, если Вы предоставите мне такую возможность и стипендию.

*Надеюсь также и на личную встречу, готов доставить Вас в наш музей от станции на автомобиле моего близкого друга – депутата поселкового совета. Только известите заранее о приезде!
С уважением, Михаил Завгородний».*

Только профессор Бедфорд закончил читать письмо аспиранта и собрался пойти покурить, как еще два коротких, странных сообщения пришли все с того же адреса Пряхова.

«Хеллоу профессор ботфорт пишу вам надежда ивановна, я еще нена училась по эти м клавишам хочу сказа всю правду о новом строе выродки. развалили союз, страна гибнет зарплату директору нашему не платят уже четыре месяца на что жить на пенсию не купишьишшш ничего обращаюсььь к коммунистическопкртишамерики передайте им пролетарии – не бросайте в беденус! Нас купили. это позор для коммуниство мишка завгородни подлец не захтел помоч мне печатать это..... письмоу сбежал но я попрошу ююю васю двоника /////он поможет чтобы дошло до вас наша ноуая власть воры так и передайте. С уважением герой социалистического труда надежда ивановна метелина—».

Профессор Бедфорд закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, открыл глаза и посмотрел в потолок. В этот момент электронная почта снова пискнула, и на экране появилось новое письмо из музея от имени Пряхова:

«Янкигоухоум. Вася».

Я развожусь!

– Я развожусь, Дарья.

Коля – мой старый друг, и когда он называет меня не Даша, а Дарья, то дело серьезное. Вид у него был утомленный, из-под капюшона на лоб уныло свисали мокрые волосы. Он все еще не снял куртку, хотя мы уже успели заказать кофе. За окном кафе лил сплошной дождь, ветер раскачивал голые ветки чахлой городской липы. Коля, глядя исподлобья на эти ветви, собирал силы для исповеди. Во мне боролись удивление и любопытство.

– Что случилось?

– Ничего. Я знаю, ты сразу подумала, что она мне изменила. Нет. Насколько я знаю. Да и времени у нее на это нет.

Я, каюсь, и правда так подумала. Колина жена удивительно красивая, моложе его, следит за собой. Голос, походка, стрижка, каблочки, духи... Все идеально.

– Зачем разводиться? Что за причуды? Вы еще молодые, только пять лет вместе, – сначала я изрекать очевидное, ведь нужно что-то говорить, когда человек в таком состоянии. – Юля твоя – красавица, и при этом не изменяет, что же еще нужно? Ребенку четыре года всего, квартира своя...

– Эти пять лет были самыми тяжелыми в моей жизни, Дарья. Невыносимыми... Начать хоть с квартиры... Юля же риелтор, смена квартир – е е стихия. Как долго мы выбирали первую, и на тебе: ей через месяц уже не нравилась роза ветров, мол, ветер с востока смог приносит. О чем раньше думала – я не спрашиваю. Ладно, переехали. В другом районе ее не устроил контингент: кто-то бросил на клумбу фантик от конфеты – и все. Переезжаем, тут одно быдло живет. Переехали. Недавно среди ночи проснулась – н е могу тут жить. Планировка действует на нервы, и школа тут не очень. Уже частную для Эдика присмотрела. Поближе бы к школе переехать. А это значит – еще год жизни долой! Опять ремонт (Юля не может без ремонта), строительные рынки, господа! Я уже все виды ламината изучил, все дизайны подсветок. А толку? Юля часами листает каталоги, дизайнеров приглашает, а выходит все равно офис или гостиница, но только не дом.

– Коля, разве из-за таких вещей люди разводятся? Скажи ей просто: все, в третий раз не буду переезжать. Отстань, принцесса! Надоело! Баста! – Я даже легонько стукнула пустой кружкой о блюдце для убедительности. А он усмехнулся и придвинул мне пирожное.

– Ешь мое, я не хочу. Как только я говорю что-то против – начинается: слезы, упреки, ты плохой отец, ты не мужчина... Я вот женщина, а все успеваю, на все у меня сил хватает, а тебе бы только в интернете сидеть.

– А что, много сидишь?

– Да куда там. В ютубе оперы слушаю. И ни одной – слышишь! ни одной! – за эти пять лет до конца не дослушал! Только настроюсь – звонок. Нужно съездить в Икею, там скидки. Инвентарь для дачи купить. Купим, а на следующий день опять туда едем ради какой-то специальной высокоманевренной швабры, которую она, видите ли, «присмотрела», а купить только теперь решилась. И ради этой швабры... я вырубаю оперу и сажусь за руль, который уже ненавижу.

– Закажите швабру через интернет.

– Не хочет! Говорит, невыгодно платить за доставку.

– Она же сама прекрасно водит машину!

– Когда работает, да. Она в образе деловой женщины. А на отдых и по домашним делам ее должен возить я, она входит в образ прекрасной дамы... и я даже знаю, зачем она просит меня возить ее всюду. Чтобы поговорить об отношениях. В машине-то мне деваться некуда...

«Мне кажется, ты пытаешься доминировать в нашей паре... Ты токсичный партнер...» (у Коли вырвалось матерное слово). Кто ее этому научил?

– Хоть убей, все равно пока не вижу причин разводиться. У тебя есть куда уехать на время, если ты устал. Дача – это же счастье. Фитнеса не надо... Руби дрова, в бане парься! Приедешь как новенький, и снова любовь, все такое...

– На даче нашей, Дарья, живут гастарбайтеры. Баню ремонтируют, огород сажают. Сами же в этой бане моются и сами же витамины с огорода едят, воздухом дышат свежим, по грибы ходят, в речке купаются, на велосипедах в магазин катаются. Радуются жизни. А у нас на это нет времени! Дача мамина, так теперь моя мама там сама как приживалка. У Юли все распланировано по науке: там велотренажер, сям какой-то экзотический овощ насажен, ступить нельзя. По телефону руководит дачей дистанционно. Мать просит внука взять хоть на месяц пожить на воздухе, так Юля не дает. У Эдика детская йога и «развивашка», чего ему с бабкой сидеть. А сама приезжает три раза в год проконтролировать ход строительных работ и надавать советов. Даже в лесу не может остановиться, с телефоном бродит, разговаривает, однажды так вот «гуляла» с телефоном и на белый гриб наступила, я даже взвыл! Эдику няньку наняла «англоговорящую». А эта нянька коньячку у нас из бара накатит и «Джингл Беллс» поет, вот и все ее воспитание. Я жене внушаю, что ребенку природа нужна, трава, птички, бабушкины блины, а она – нет, мир теперь другой, блины вредны, ребенка развивать надо, а то не догоним! Кого догонять? – Коля поежился и залпом допил свой кофе. – Фу, холодный.

– Ты курткуними, она же мокрая.

– Слушай, может и нам по коньяку врезать? Не все же няне нашей радоваться жизни...

Мы врезали. Он снял куртку и продолжил с еще большим жаром.

– Летом Юля нашего Эдика с этой няней даже в Турцию отпущала (мы тогда второй переезд осуществляли и ремонт), там аниматоры, детские дискотеки, бум-бум-бах – э то типа музыка. Так он потом ночами просыпался от кошмаров, и глаз у него дергался. Не детство, а черт знает что такое. Вот разведемся – он со мной хотя бы в выходные будет душой отдыхать...

– Ну уезжай сам с ребенком на дачу, отдыхай. Или в ту же Турцию.

– Когда? Я работаю день и ночь, чтобы оплатить кредиты, которые она набрала. Поверишь, только год назад за свадьбу расплатился, у нее ж платье было все в Сваровски, чтоб я так жил...

– Так зачем ты согласился на такое платье?

– Слеплен был ее неземной красотой, блин. Я ж не знал тогда... А в выходные я обязан «побыть с семьей». Это значит рассматривать с Юлей каталог одежды и потом покупать только в этом торговом центре, только этого цвета, только этой фирмы курточку для Эдика. В другой он непременно простудится. А если, упаси боже, правда простужается – начинается ад. Этот врач плохой, пойдем к другому. Ой, тут посоветовали третьего, найди мне в интернете адрес клиники. Нет, лучше другой клиники, тут отзывы плохие. Ой, на форуме пишут, что это не просто простуда, это аллергия, нет, это коклюш, вот-вот начнет задыхаться. В конце концов она со скандалом увольняет няню, которую обвиняет в болезни Эдика, и нанимает другую – м едсестру (моей маме не доверяет с ним сидеть) и уезжает на очередную бизнес-сделку. И пока мы с ней зарабатываем на всех этих врачей, нянек и гастарбайтеров, наш больной ребенок с чужой дамой сидит перед телевизором или с планшетом в руках. Лечится и «развивается».

– У меня тоже бывает паника, когда малыш болеет, ничего в этом страшного. Ты все видишь в мрачных тонах. Ты попробуй посмотреть на ее сильные стороны. Может, она готовит хорошо?

– Ой, не говори о еде, Дарья. Еда – это настолько отдельная история, что лучше и не начинать об этом... Кето-диета, безглютен, низкий гликемический индекс... Сил нет...

– Бог с ней, с едой. Но пока вы еще относительно молоды и вам хорошо вместе...

– Знаешь, я уже ни в чем не уверен... – Коля своей многотрудной жилистой рукой провел по волосам. Я заметила, что виски у него заметно поседели. Я терялась, но не сдавалась и выискивала, что бы еще ему посоветовать.

– Ну ты развивай ее, своди ее в оперу, раз так любишь оперу.

– Попробовал как-то... Она поначалу даже обрадовалась – п овод нарядиться в вечернее платье. А в зале отказалась мобильник отключить – сделка сорвется, как же! И все шептала там что-то в трубку, согнувшись в три погибели. Я не знал, куда деваться от стыда. Пихал ее локтем. А она меня пихала в ответ. За ней не заржавеет. А потом вроде сдалась, отключила телефон. И тут же давай сумкой щелкать! Откроет, закроет, откроет, закроет. Наконец уже старичок какой-то повернулся и говорит: «Милочка, вы не могли бы тише себя вести!» А глазки у самого такие злые-злые, словно готов мою милочку по голове программкой треснуть. В этот момент я окончательно решил разводиться.

Коля затряс ногой и злобно осмотрелся, словно готовясь уже бежать в суд.

– погоди, остынь. Ты можешь вспомнить хоть что-нибудь хорошее? Ну, там, как у вас сын родился? Это же счастье... Помнишь, ты мне звонил, такой радостный голос...

– Это было в каком-то тумане. Я работал как вол тогда. Как раз заканчивался ремонт в новой квартире, а Юлька дома не сидела, ей все казалось, что она в декрете время теряет впустую. Заставляла меня ходить с ней на курсы молодых родителей.

Мне (и таким же, как я, несчастным) там какая-то тетка с выпученными глазами пристегнула надувные животы и груди и заставила их гладить и улыбаться (позитивный настрой это называется). Потом нас (мужиков!) заставили сесть на надувные мячи с рожками и прыгать. Дожил! Прыгал как дурак с пристегнутым животом на мяче под команды пучеглазой тетки и заплатил за это все чей-то прожиточный минимум... А еще мы надевали памперс на куклу. Потом начали обсуждать вопрос лактации, словно не жена, а я должен грудью младенца кормить. Что за новая мода превращать мужиков в баб? Я на все это пошел, только чтобы не злить ее, беременная все-таки, мало ли что. Ну окей, родила она. И не успели обрадоваться, как опять началось.

– Что началось?

– Списки покупок. Послеродовая депрессия... Адреса всех лучших педиатров, массажистов, гомеопатов, остеопатов Москвы. Каталоги развивающих игрушек из экологичных материалов. Подогреватель для бутылочки, который не пригодился, блендеры, ершики (по всему дому валяются), соковыжималки, прыгунки, в которых никто, замечу, не прыгал, хлебопечка (но хлеб вдруг оказался в принципе вреден, потому что Юля от него толстеет, отдали ее гастарбайтерам, они успешно пользуются), а о разнообразии смесей, которые наш младенец все перепробовал, я уж не говорю. Не понимаю, зачем меня обучали лактации, если Юля заявила, что через два месяца выходит на работу и бросает кормить. Я просил ее вообще бросить работу, и был назван мужским шовинистом, который хочет сделать ее безработной домохозяйкой. Ах да, моющий пылесос, новый кондиционер с плазмой, курсы Монтессори – р аннее развитие младенцев. Потом, разумеется, невропатолог для Эдика. Дети не выдерживают такой всеобъемлющей заботы о себе. Потом психолог для нее. Гастроэнтеролог для меня. Потом, как панацея от всех бед... Угадай?

– Переезд на новую квартиру!

– Да! Как ты знаешь, я обожаю переезды... Нет, Даш, я разведусь. Больше не могу так.

Я не знала, что ему посоветовать. Подбадривать банальностями о том, что у него все впереди, что он еще молод, найдем ему кого-нибудь не хуже Юли – н е хотелось. Выходило, что я как бы поддерживаю развод, а ведь блаженны миротворцы, а не разлучники... Уговаривать его сохранить семью после такого потока признаний тоже было бы нелепо. Так что я просто проводила его до дома и постаралась отвлечь разговорами о музыке и литературе. Раньше, до его женитьбы, мы только об этом и говорили. Подходя к подъезду, он как-то вдруг сгорбился,

вжал голову в плечи и замедлил шаг. И тогда я поняла, что, похоже, он все-таки не преувеличивает... Похоже, он действительно влип.

По дороге домой, я решила вот что: в «Мегу» мы завтра с мужем не поедем, лучше на рынок схожу одна. Или закажу продукты по интернету. Малышу ходунки не буду покупать – все равно они ненадолго его займут, лучше за ручку водить его буду – и общение опять же... Манеж, наверное, тоже не будем заказывать – он займет полкомнаты, и вряд ли сын будет сидеть в нем долго, а заставленная квартира всегда раздражает... Так, что еще... Да, самое главное. Надо бы выбраться с мужем в оперу, что ли... Это первым делом. Позвоню маме, чтобы посидела с малышом, и в оперу. Срочно. Да, срочно, срочно в оперу.

Осознанная личность

С тех пор, как Инна занялась «духовными практиками», что-то в нашей дружбе пошло не так. Бывало раньше, позвонишь ей: «Как дела?» – и она, как нормальный человек, отвечает: «Ужасно. Петя снова кокетничал со студентками в инстаграме. Вот сижу и думаю: закатить ему сцену ревности или лучше пойти купить туфли?»

Звонишь ей на следующий день: «Как дела?» – «Великолепно! Купила туфли со скидкой и сэкономила на театр. Пойдешь со мной?»

В общем, была она женщина как женщина, а теперь стала осознанной личностью. Теперь на вопрос «как дела?» она в ответ сначала долго молчит, как бы давая понять, что вопрос удивительно глупый, а потом говорит примерно следующее: «Да что это такое вообще – наши так называемые “дела”?»

И снова молчит в трубку.

– Как там Петя? – спрашиваю. – Не ревнуешь его больше?

– Ревность – это эгоизм. Кто мы такие, чтобы считать мужчин нашей собственностью?

«Вот это поворот», – думаю я с уважением.

– Может, пойдем в «Фамилию» сходим? Там новую партию одежды привезли. Цены копеечные...

Она снова выдерживает паузу, и я чувствую, как осознанная личность в ней вызывает на дуэль презренного шопоголика и пронзает рапирой в самое сердце.

– Нет, не пойду. Тратить жизнь на весь этот материальный тлен я больше не буду. И без того полжизни ушло на иллюзию. Учитывая, что и сама жизнь наша – иллюзия. Писк комара на теле слона – вот что такое наша так называемая жизнь... – Вздыхает.

– А на что ты хочешь потратить этот комариный писк?

– Тебя это вряд ли заинтересует. На медитацию, очищение ауры, проработку чакр, подъем энергии кундалини. На самосовершенствование. Если интересно, приходи в центр.

Но я слишком недоверчива, чтобы позволить кому-то прорабатывать мои чакры, наводить порядок в моей ауре и тем более поднимать мою энергию кундалини. Вежливо отказываюсь, а в следующий раз уже не спрашиваю «как дела?», перехожу сразу к делу.

– Мои все гриппуют. А твои?

– Что значит «твой-мой»? Они свободные люди. (Долгая пауза.) Ну если тебе это так уж интересно, то да, они тоже болеют.

– Чем лечитесь?

– Болезни имеют духовную природу, лечить их бесполезно. Нужно правильно мыслить, и болезни уйдут. Мои муж и сын этого пока не понимают... Вот и болеют.

– Но ты им хотя бы мед, ромашку даешь?

– Что значит «даешь»? – И опять молчит.

– Ну мед – мед кладешь им в чай? – Я начинаю раздражаться.

– Что значит «кладешь», – отвечает она серьезно, – они хозяева своей судьбы, если им нужно – пойдут сами на кухню и найдут там мед.

Да что с ней такое? Магнитные бури, что ли... Делаю последнюю попытку разговорить ее:

– Слышала новость? Кошкины наконец разводятся.

– Не удивлена. Союз, основанный исключительно на плотском влечении, не бывает прочным. У них не было духовной связи, осознанной жизни...

– А по-моему, просто Кошкин – к озел. Сколько можно было терпеть его измены.

– Не судите и не судимы будете, – все более загробным голосом говорит Инна.

– Ты стала православной?

– Этому общемировой духовный опыт нас учит, а не только православные.

– А все равно Кошкин козел. Ирка говорила мне, что он ей хвастался, что в конфетах, которые производит его цех, нет ни крошки чего-нибудь живого. Ни какао, ни даже сахара. Одни заменители и красители. А наши дети это едят. Он ей это со смехом рассказывал, мол, вон какой я ловкий, как я умею деньги из ничего делать. Козел и есть.

– Не порти себе карму гневом. Это бессмысленно, – равнодушно отвечает Инна и зевает.

– Как у тебя на работе? Начальство больше не донимает?

– Я стараюсь не думать о плохом. Это программирует психику. Поэтому не спрашивай меня больше о работе, если можно.

– Ладно, я тогда в другой раз позвоню. – К ладу трубку с облегчением. В следующий раз не звоню. У человека духовная жизнь в разгаре, кундалини на пике, можно сказать, а я тут со своими конфетами, с этим козлом Кошкиным. В общем, позволяю человеку отдохнуть от меня.

Через некоторое время узнаю, что Инна ушла с работы, ушла от Пети и уехала в горы со своим инструктором по йоге.

Долго потом о ней я ничего не слышала, только в инстаграме видела раз фотографию в Гималаях. Два силуэта (мужской и женский) со спины, сидящие по-турецки и встречающие оранжевый рассвет. Помню, кольнула меня зависть – а может быть, это и правда счастье? Настоящая духовная свобода? Ни тебе гриппа у детей, ни этой дурацкой «Фамилии»...

Но через год она вдруг сама позвонила. «Как дела? – говорит и сразу же: – Можно, я сейчас прямо к тебе зайду?»

Пришла – худая, сморщенная, загорелая, грустная. Вручила мне бутылку хереса.

– Ты пьешь? Ты же говорила, что больше не одурманиваешься, что алкоголь, кофе, соль, сахар убивают внутренний огонь туммо? Или как там его?

– Это неважно. Ну пью, подумаешь. И курю тоже. Чрезмерно заботиться о своем теле – это тот же эгоизм. Был у меня один такой товарищ-инструктор, тоже все о теле заботился... Гибкий такой товарищ... Да пошел он... (нецензурное слово)

Вынула сигарету, открыла окно, села на подоконник и закурила.

– Жизнь научила меня тому, что нельзя пренебрегать ею, убегать от нее. Нужно пытаться менять ее. Воспитывать этот мир. Нужно действовать. Мы рождены, чтоб...

– Сказку сделать былью?

– Не смейся, я серьезно.

Оказалось, она теперь работает в предвыборном штабе какого-то депутата от коммунистов, кажется, придумывает слоганы ему, организует встречи с избирателями. Теперь, когда я спрашиваю: «Как дела?» – она отвечает: «Ужасно. Слышала, во Владивостоке опять мэра переизбрали? Фальсификация. Коррупция. Пора валить. Я бы свалила, если бы не боль за Родину». Боль ее проявляется в том, что она теперь через слово матерится, подстриглась так, что волос как будто совершенно на голове нет, завела пять аккаунтов и все транслирует там разные политические ужасы. Брызжет ядом как медуза-горгона, всех ненавидит.

А когда-то она была нежной тоненькой девочкой, с облаком кудрявых волос. Помню, мы с ней сидели за одной партой и яростно спорили, кто лучше: Дитер Болен или Томас Андрес из группы «Модерн Токинг». Я стояла за блондина Болену и напирала на то, что он композитор, а значит – умный, а она говорила, что он грубый и некрасивый, а как только видела влажные глаза красавца Андреса и слышала *You are my heart, you're my soul*, начинала плакать и улыбаться сквозь слезы.

Что с нами делает жизнь, Инна?

Психоаналитики

Григорий Иванович делал вид, будто записывает что-то в журнал посетителей, давая пациенту возможность оглядеть кабинет и немного освоиться. Работалось ему сегодня (как, впрочем, часто последнее время) без радости, но психоаналитик на то и психоаналитик, чтобы уметь управлять настроениями, в том числе и своими. Вошедший потоптался на месте, покинул и сел на стул напротив большого аквариума с меланхоличными крупными рыбками. Предметов в кабинете было немного: стол телесного цвета с закругленными углами, бежевые папки, круглые часы, кушетка с чистой простыней и бледная акварель на стене. На экране ноутбука заставка – сосновый лес. В носу щекотало от запаха успокоительных трав.

– День добрый, – мягко произнес врач, внимательно глядя на пациента.

– День добрый, – о тозвался пациент, беспокойно оглядываясь.

Григорий Иванович широко улыбнулся и незаметно положил руки на стол ладонями вверх – ж ест мира и дружелюбия. Потом взялся за шариковую ручку.

– Позвольте, я сначала задам вам несколько вопросов общего характера.

Пациент молчал, скосив глаза на вопросительно приподнятую над блокнотом шариковую ручку врача.

– Вы женаты?

– Да.

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять. – От запаха мяты пациенту захотелось зевнуть, он напряг челюсть, укро- тил зевок, и на глазах выступили слезы.

– Дети есть?

– Нет пока.

– Кем работаете?

– Психоаналитиком.

Григорий Иванович быстро поднял глаза на пациента и, скрывая любопытство, тут же опустил их.

– Значит... коллега. Чудесно. Что беспокоит?

Пациент почесал нос тыльной стороной ладони и встретился взглядом с черным выдвину- нутым глазом рыбки-телескопа. Рыбка, повиливая прозрачным шелковым хвостом, совершила плавный променад по аквариуму, повернулась другим боком и посмотрела на пациента своим вторым выпученным глазом.

Врач терпеливо ждал.

– Вы будете смеяться, коллега, но мне иногда хочется бить моих пациентов.

Врач что-то пометил в блокноте и перешел на деловой тон:

– Как часто к вам приходит это чувство?

– Довольно часто. И оно усиливается, когда они начинают жаловаться и плакать.

– Как именно вам хочется их бить?

– Как угодно. Подойти и дать пощечину. Или вцепиться в волосы и потрясти хорошенько, а то и об стол стукнуть лбом. Или пинка дать. Или душисть. Не до смерти, конечно, но так, чтобы ощущалось...

– Вам хочется бить определенный тип пациентов?

– Почти всех.

– Как вам удастся превозмочь это желание во время сеанса? – Доктор бросал на пациента краткие взгляды исподлобья и не забывал помечать в блокноте.

– Просто не смотрю на них. Воображаю себя на берегу моря. Всюду красивые девушки, и никуда не нужно спешить. Ну, вы сами знаете, аутотренинги и проч. Но иногда... – пациент улыбнулся и пошевелил пальцами, – еле сдерживаюсь.

Доктор посмотрел на пациента в упор, не моргая, и понизил голос:

– А на интимной жизни эта ваша особенность никак не отражается?

– Дело в том, что я женился на своей пациентке.

– И вам ее тоже хочется бить?

– С тех пор, как она излечилась, уже нет.

– И долго вы ее лечили?

– Просто женился на ней. И она излечилась.

– Прекрасно... У вас не возникает желания вступить в близкие отношения с другими вашими пациентками?

– У них это желание возникает намного чаще, чем у меня, – со вздохом ответил пациент и в этот раз не смог сдержать зевок.

Доктор отложил ручку в сторону.

– Хорошо, я скажу, зачем пришел, – пациент в упор посмотрел на аналитика. Тот, ко всему готовый, стойчески выдержал взгляд. – Побейте меня слегка... Хотелось бы поменяться местами с моими больными. Пару пощечин... Вы ведь знаете, как это помогает...

– Но я... – врач стал поглаживать серую папку подушечками пальцев, как бы успокаивая ее. – Это не относится к моему методу. Мой метод – позитивная психотерапия. Возможно, вам поможет гештальт... Я не...

– Прошу вас...

– Еще раз повторяю: у меня другие методы. – Григорий Иванович притворно отвернулся, будто его отвлекло пение птиц за окном.

– Что ж, тогда простите, что побеспокоил. – Пациент пружинисто встал и вышел, прищемив дверью голос Григория Ивановича, что-то говорившего ему вслед.

Григорий Иванович хорошенько вымыл руки, посмотрел в окно, затем на рыбок в аквариуме, вздохнул, выдвинул ящик стола, достал бежевую кожаную тетрадь с надписью «Ежедневник наблюдений» и записал:

«Пациенты с ярко выраженными садомазохистскими наклонностями с трудом поддаются лечению, а если находят в себе силы признаться в недуге, часто в последний момент проявляют малодушие и ретируются...»

Доктор поставил многоточие и засмотрелся на свой каллиграфический почерк, который не переставал его радовать с самого детства. Ему вдруг захотелось перечитать свои стихи, сочиняемые почти каждый день с другой стороны тетрадки, но... «В мире есть царь, этот царь беспощаден. Голод – название ему...» – пробормотал Григорий Иванович, наклонился и открыл другой ящик, в котором лежал ничем толком не пахнущий и непривлекательный так называемый «сет», наполненный полезным низкокалорийным обедом, собранным женой, а рядом покоилась яичная булочка с сосиской, купленная им самим как приятное дополнение к «сету».

Григорий Иванович нажал на кнопку вызова секретарши. Анечка вошла тут же.

– Принеси-ка мне, пожалуйста, чаю с бергамотом... – Но секретарша затрепетала ресницами и ласково перебила его:

– Григорий Иванович, там двое ждут, хотели бы срочно.

– У них на который час?

– На два, но они хотели бы срочно.

Доктор глубоко вздохнул и медленно-медленно закрыл ящик с булочкой, грустно наблюдая за тем, как она исчезает из виду.

– Ну, зови...

В кабинет вбежала сухая старушка, а за ней, не спеша, вошла рыжая девочка-подросток, с толстым носом, буйными волосами и грустным взглядом под рыжими пушистыми ресницами.

– Докторунаспроблема, – без пауз проговорила старушка.

«Ясен перец, у вас проблема», – п одумал доктор, а вслух сказал:

– Прекрасно, выкладывайте.

Вместо ответа старушка водрузила на белоснежный стол двухлитровую банку варенья:

– Э то вам, доктор, черничное, для глаз. Перекрутка – свежайшая.

– Спасибо! – И искренне удивился доктор и не сразу нашелся, что еще сказать, поэтому просто подарил пациентам хороший, мирный, дружелюбный взгляд.

– Доктор, моя внучка ведет себя необычно, как бы это сказать... спасает мир.

– Ну и...? – Банка мешала разглядывать пришедших, и доктор убрал ее под стол. Старушка многозначительно кивнула. Если бы не суетливость, она сошла бы за одну из тех рембрандтовских старушек, при взгляде на которых щемит сердце и думается о неминуемой собственной старости.

– Моей внучке, доктор, постоянно снятся сны про спасение мира, она смотрит фильмы про спасение мира и читает одну фантастику.

– Что ж в этом плохого? – спросил доктор, мысленно разливая варенье по маленьким баночкам и раздаривая его близоруким друзьям и родственникам. – Это нормально в ее возрасте.

– Но еще совсем недавно она была здоровым ребенком, обычной девочкой, даже стихи сочиняла.

– Какого содержания? – спросил доктор, стараясь принять когда-то удачно найденную позу, при которой голодное урчание живота почти не слышно окружающим.

– Ася, почитай доктору свои стихи.

– А че читать? – нахмурилась Ася.

– На ваш выбор, – с казал доктор, – н а ваш выбор, что-нибудь из любимых.

Ася покраснела, наклонила вперед голову (любопытные рыбки в аквариуме шарахнулись от стекла и спрятались в водорослях) и низким голосом, почти шепотом, прочла:

*У меня растет нога, скоро мне тринадцать,
Что же делать мне тогда, во что обуваться?
Я на танцы не хожу, нет туда дороги —
Я носки себе вяжу, чтоб не мерзли ноги.*

Бабушка вся напряглась, сжалась и с мольбой посмотрела на Григория Ивановича.

– Ну что ж, вполне искренне. Вы любите Маяковского?

Ася улыбнулась, зловеще сверкнув скобой для выпрямления зубов.

– Доктор, – п еребила старушка, – о на дерется, она ругается, она даже... матюгается!

– Попробуйте сместить акцент ее интересов на поэзию, – доктор взглянул на старушку, и, не отыскав и капли разумения в ее глазах, раздраженно добавил: – Попросите школьную учительницу поместить в стенгазете ее стихи. Вам нужно вдохновить ее, ободрить. Ничто так не лечит людей, как вера в них... в их талант (он грустно взглянул на свою тетрадку). Поэзия – она лучшее лекарство... Ну а на ночь валериану, пустырник, мяту. Глицин не забудьте. Мелатонин на ночь, если бессонница. Успехов вам и всего хорошего. – Григорий Иванович, чтобы скрыть раздражение, принялся внимательно рассматривать розовую папку и ласкать ее подушечками пальцев.

– Спасибо, доктор, – молвила старушка и стрельнула взглядом под стол. Она, вероятно, ожидала более обстоятельной беседы и жалела о подаренном варенье. – А если не поможет, что тогда, доктор?

- Тогда приходите опять. Оплатить консультацию можно на ресепшене.
- Хорошо, доктор, мы придем.
- Всего доброго.

Старушка нехотя вышла, качая головой. «Мошенники, деньги дерут, а толку нет. Хоть бы рецепт выписал какой...» – послышалось в коридоре ее ворчание и успокаивающий щебет Анечки.

Григорий Иванович включил прелюдию Шопена, под музыку съел булочку и вынул дневник наблюдений.

«Некрасивые одинокие девочки часто страдают от мании преследования, а собственную незащищенность компенсируют грубостью манер и агрессивным поведением. – Он задумался и прибавил: – Иногда они пишут стихи... Когда душа еще не сформирована, стихи обычно подражательные...»

У Григория Ивановича сегодня побывали также бизнес-женщина с паническими атаками (имеющими отношение к ее валютным накоплениям), стареющий ученый с бессонницей (по поводу коллеги, опередившего его с патентом) и мальчик с девиантным поведением, однако первый пациент все не выходил у него из головы.

«Коллега... Да, коллега. Неудивительно», – р азмышляя о коллеге, Григорий Иванович вышел из клиники, но направился не домой, а к профессору Мерцу, своему бывшему преподавателю. Это был один из самых успешных психоаналитиков Москвы. Григорий Иванович записался к нему три месяца назад, и только сегодня подошла его очередь. В приемной Григория Ивановича встретила полноватая с роскошными формами немолодая секретарша. Движения ее были плавными, интонации сердечными, голос бархатным и умиротворяющим. Она являла пациентам образ любящей матери и вела себя соответственно. Григорий Иванович знал этот профессиональный прием, но не одобрял его. Перед ним в очереди, обхватив голову руками, сидел человек, в фигуре которого было что-то знакомое.

- Вы к Мерцу? – на всякий случай поинтересовался Григорий Иванович.
- Гриша? – тихо спросил человек, в котором Григорий Иванович узнал своего сокурсника.
- Илья! А ты что тут делаешь? Неужели к Мерцу?
- Да я уже год хожу к нему.
- Год? Хм... – Григорий Иванович виновато огляделся и понял, что теперь и ему придется признаться Илье, зачем он тут.
- А ты зачем тут? – спросил Илья.
- Я...я так... тоже на консультацию. Что-то спать перестал, кошмары, страхи... Так, пиizeю помаленьку.
- Эх, Гриша. Желаю удачи, конечно, но я вот уже год хожу с теми же проблемами, но с колес так и не слез. Клиенты энергию пьют. Вампиры. А ты антидепресы пьешь?
- Разумеется.
- Илья сочувственно покивал и просиял, чему-то радуясь.
- А я вот в науку опять ушел. Тема небанальная, боюсь, трудно с ней будет.
- Что за тема-то?
- «Заразны ли психические недуги?»
- Ты что, с ума сошел?
- Я рассматриваю этот вопрос, конечно, не в химическом, а в психологическом аспекте.

Между тем секретарша ласково поманила Илью пухлым пальцем, и он скрылся за дверью. Вышел он оттуда быстро, взволнованным, но не успел ничего сказать, потому что секретарша уже открыла дверь для Григория Ивановича.

Кабинет Мерца был полной противоположностью кабинета Григория Ивановича – обставлен антикварной мебелью, стены обиты красным сукном, как в старой Англии.

«Отчаянный. И как он не боится реакции пациентов на кроваво-красный цвет? Впрочем, с его уровнем можно позволить себе такой каприз», – подумал Григорий Иванович и исподтишка внимательно оглядел Мерца.

Мерц был очень толстым, с мясистым лицом и длинными, висящими до плеч, как у Будды, мочками ушей. Он выглядел раздраженным, горбился над столом, что-то писал и то и дело издавал такой звук, будто вот-вот чихнет, но не чихал. «Тик», – подумал Григорий Иванович, улыбнулся и поприветствовал учителя.

– Милости прошу, дружок. Читал твои стишки в журнале.

– Удивительно, как вы все успеваете? Еще и литературные журналы читаете!

– Да ни черта я не успеваю, это мне Илюшка приносил. Мол, вон чем студенты мои тешатся. Ты говори скорее, чего надо. Устал я сегодня от вас. Домой хочу, кота хочу погладить, книжку про романтическую любовь почитать. Голова болит.

– Кошмары ночные, страхи, апатия, отвращение к людям и вообще – к жизни. Полное нежелание работать. Женщины раздражают, потенция ослабла... Даже на порносайт заходить нет желания. Несколько раз в кошмарах снилась секретарша моя, связанная и с перерезанным горлом. А два месяца назад было даже что-то похожее на голоса...

– Господи! – Мерц закатил выпученные глаза, потом вдруг вскочил с антикварного кресла и театрально воздел руки к потолку. Пошатнулся и сел. Григорию Ивановичу показалось, что он пьян.

– Господи! Помогите им! Избави меня от них всех! Они мне надоели!

Он снова встал, подошел к Григорию Ивановичу вплотную, дыша на него коньяком, напирая толстым животом в жилетке, из-под которой выбилась рубашка, и долго злобно смотрел ему в глаза. Мочки ушей его тряслись.

– Черт знает, что с вами со всеми делать! Надоели вы мне! Все ваши многозначительные комплексы и идиотские фантазии, ваша вечно ослабленная потенция – осточертело! А особенно стихи! Зачем еще и стихи! Творчество лечит! Да кого может вылечить вся ваша графомания, скажите на милость? Иди, дружок, знаешь куда? На экзорцизм! Бесов изгони. Это помогает. Тут одна дама сделала, помогло, говорит. Вот так вот, да. Изгони бесов, а потом приходи. Устал я, понимаешь? Устал. От всех устал, от людей устал, а от вас, коллег, давно! Забудьте вообще про свою психологию, отвяжитесь уже от самих себя, хватит ковырять свои комплексы. Живите, радуйтесь, коньяк пейте с друзьями, прыгайте в снег после бани, детей рожайте, грядки копайте, я не знаю. В футбол поиграй походи. Не могу уже. Прощай, дружок, прощай, иди, иди отсюда... – И, напирая животом как бульдозером, Мерц вытеснил Григория Ивановича из кабинета и захлопнул дверь. Через минуту за дверью громко зазвучала прелюдия Шопена.

«Срыв по причине ярко выраженного профессионального выгорания», – подумал Григорий Иванович, грустно вздохнул и пошел домой.

Поститься постом приятным

– В женщине должна быть духовность! – сказал муж, устало вздохнул и отвернулся от Зины к стене.

«Ну вот, приехали», – Зина села на кровати, немного посидела, глядя в темноту, и потрясла мужа за плечо. Муж, который уже начинал потихоньку храпеть, открыл глаза. Они были злые.

– Ну чего тебе?

– Ты на что намекаешь? Ты что это сейчас про духовность сказал?

– Дай поспать, а? Мне завтра в шесть вставать, а ты-то будешь до обеда валяться.

Муж накрылся одеялом с головой, а Зина лежала без сна и думала о том, как глупо закончился день святого Валентина. А так хорошо начинался! Песцовая жилетка – о на давно уже намекала ему и даже сказала, где купить и какой модели. Муж незаметно положил ее утром к ней в постель у подушки – так это было мило, романтично! Потом за продуктами ездили, потом ужин при свечах. С коллекционным шампанским. Утка из ресторана «Пекин» особенно удалась. И вот на тебе...

– Он сказал, что в женщине должна быть духовность! – с тревогой сказала Зина подруге Тане-психологу по телефону. – Что бы это значило, как ты думаешь?

– Это может ничего не значить, а может быть началом больших неприятностей. Поговори с ним об этом откровенно как можно быстрее. Узнай, что именно его не устраивает. Возможно, тебе придется похудеть. Будь готова к этому, а лучше начни уже сейчас. И проверь его телефон – нет ли там подозрительных сообщений. Начни читать древнего философа Платона, и так, чтобы книга лежала на видном месте, у тебя на столе. У тебя, кстати, есть твой собственный письменный стол? Срочно заведи себе – это работает. Это придаст тебе уверенности, ты будешь чувствовать себя личностью. Обязательно сходи в театр с мужем. Я бы даже сказала, в оперу. Часа на три. Вот Вагнер подойдет вполне, так утомит, что вы оба будете оттуда бегом домой убегать, проголодаетесь, и тут ты ему по контрасту и ужин при свечах, и релакс, массаж, все такое. И еще, знаешь, сейчас модно поститься – можешь попробовать, как раз великий пост скоро. Это действует на энергетическом уровне... Обновляет организм и душу.

Идея про пост Зине понравилась – оригинально, по меньшей мере. Заодно похудеть можно. Она позвонила однокласснице Нине. Нина жила бедно, с тремя детьми и «творческим» мужем, который то зарабатывал, то нет, «подавлял ее как личность» (как считала Таня-психолог), и вместо развлечений они по воскресеньям ходили в церковь. Одноклассницы давно не виделись, и Зина не знала, с чего начать разговор.

– Ну как ты вообще? Как дела? Вот мне мой вчера жилетку песцовую подарил. А ты как отпраздновала день влюбленных?

– Я предпочитаю Петра и Февронию. Они тоже покровители влюбленных.

– И как ты празднуешь Петра и Февронию?

– Постом и молитвой, – ответила Нина как будто слегка раздраженно. Завидует, наверное. В трубке раздавался визг и грохот – дети швырялись игрушками.

Зина продолжила ласковым голосом:

– Скажи, а ты как постишься? Ничего мясного? Яйца тоже нельзя? И даже рыбу? И что, даже молочного? Даже молока не пьешь?

– Молоко пью. Трое детей, сама понимаешь. Без молочного и помереть можно.

– А я вот буду вообще без молочного. Выдержу пост, а потом уж пойду и на причастие. А то живу слишком материально. Пора очистить душу и тело на энергетическом уровне, я считаю.

В телефоне снова послышался грохот и громкий плач, Нина пообещала перезвонить позже и повесила трубку.

Зина основательно подготовилась к посту. Перво-наперво она заказала в лавке художников резной деревянный уголок для красного угла. Сходила в магазин «Софрино», купила большую рукописную икону в золотой оправе – влетело в копеечку, но ради такого дела не жаль. Купила также ладан с Афона, серебряную лампадку, огромное Евангелие с золотым тиснением, украшенное ониксами. Также приобрела несколько дизайнерских длинных юбок, а в ГМИИ им. Пушкина, куда сводила мужа развеяться, купила шелковый палантин с изображением картины Пикассо. Это чтобы набросить на голову и плечи, когда пойдет на причастие. А за день до поста села в свой белый «ягуар» и привезла из «Азбуки вкуса» четыре сумки постных продуктов – три килограмма орехов: кешью, фундука, миндаля, грецких. Пять килограммов изюма, фиников, инжира и кураги – это магний, для сердца. Также приобрела полбу – полезнейший продукт, в нем все микроэлементы, витамины. Кашу если уж без масла и молока, то хоть с медом надо, мед купила трех видов – цветочный, гречишный, луговые травы. Соевое мясо лучшего качества – не китайское, боже упаси – я понское. Фунчозу к нему в том же японском магазине. Американских поливитаминов пачку – на весь пост. Клюкву, бруснику, смородину, клубнику – для смузи. Льняную кашу – последнее слово диетологов. Выводит токсины, и для похудения хорошо.

Он увидит ее исхудавшую, с большими глазами на бледном лице, заглянет в эти глаза и... обнимет ее крепко-крепко, и их чувства заиграют с новой силой... – думала Зина и улыбалась, разбирая покупки. К льняной каше она приобрела оливковое масло холодного отжима – взяла самое дорогое, ведь женщина без омега – все равно как без лошади телега, как выражается ее диетолог. Бездрожжевой фермерский хлеб с отрубями. Маслины греческие, крупные, настоящие. Далее сушеная хурма на веревочке. Далее – с вежевыжатый гранатовый сок, три литра – дорого, но надо. Гемоглобин в пост всегда падает – об этом на православных форумах предупреждают. Черный шоколад десять плиток, он был по акции. Для восполнения энергии. Нельзя быть вялой – душа должна быть бодрой и готовой к подвигу. Мужчины не любят вялых. Пахлаву свежую – в ресторане заказала. Там настоящая. Но пахлавой увлекаться не стоит – это только в крайнем случае, если тоска возьмет по сладостям. Далее репа, редька, капуста и дайкон от надежного фермера из экомagasина. Еще морепродукты – всю морозильную камеру ими забила. Пишут, что морских гадов в пост есть не воспрещается, и все оттого, что они существа бескровные. Но, главное, полезные для здоровья.

Весь великий пост Лейла, помощница Зины по хозяйству, готовила ей отдельные постные блюда, и некоторые выходили вполне сносными, даже мужу нравились. Зина заходила в храмы поставить свечку за любовь, но на исповедь не решалась пока – еще не готова. Она сложный человек – ей нужен особый священник, мудрый, глубокий, а не простачок какой-нибудь. На православных форумах Зина прочла все отзывы о батюшках, смотрела в ютубе их проповеди – выбрала себе такого, который, как говорят, умеет слушать и сопереживать – обладает эмпатией, а это очень важно для нее. Ведь у нее крайне непростая ситуация. Муж ее – человек с тяжелым характером, скрытый доминант, эгоцентрик, необходимо найти ключик к его душе... Пост подходил к концу, Зина выдержала его и, наконец, довольная собой и похудевшая, собралась в храм, на исповедь. С вечера она ничего не ела, кроме смузи и кальмаровых колец, утром проснулась пораньше. Мужа рядом не было. «В душ пошел, наверное», – подумала Зина, но тут в спальню постучала Лейла. Круглое лицо ее было испуганным: «Доброе утро! Вот, Петр Иванович просил передать записку. А сам уехал куда-то в пять утра. С большой такой сумкой». Лейла показала руками размер сумки, опасно как-то пригнула голову и выскользнула из комнаты.

«Прости, я уйду от тебя. За вещами приеду позже».

«Что же это получается? – рыдая, кричала Зина в трубку Нине, – это что же выходит? Вся эта ваша духовка только мешает счастью и браку! Если этот твой Бог существует, то за что же он меня наказал? За то, что пост выдержала? Это ложное учение, я считаю – оно приносит вред человечеству! От этого вашего поста у меня теперь волосы потускнели и кожа тонус потеряла. Это только попы деньги делают на свечках и просфорках, вот и вся духовность! Дурят людей, заставляют голодать и во всем себе отказывать, а сами на “мерседесах” разъезжают».

Нина не знала, что ответить Зине. Она и сама удивилась такому странному повороту. «Пути Господни неисповедимы, Зина. Откуда мне знать, чего он ушел. Может быть, вместо него Бог пошлет тебе кого-нибудь получше». Но Зина твердо уверилась, что это попы со своими великими постами виноваты в ее не сложившейся личной жизни. Сейчас она ведет анти-религиозный блог в интернете. Выступает за светское государство. Разоблачает церковь, собирает случаи церковного мракобесия, внимательно слушает проповеди в ютубе, находит в них логические нестыковки и вывешивает свои комментарии в сеть. У нее большая команда единомышленников. Ее особенно раздражают попы на «мерседесах». Свой «ягуар» ей пришлось продать, потому что после развода денег стало значительно меньше. Муж ее ушел к какой-то молодой хиппи, и говорят, они даже повенчались в церкви. «Это потому, что он полный кретин, раб системы и слуга полицейского государства!» – говорит Зина подругам.

Разборчивая невеста

Филолог, редактор большого издательства Марианна Кошкинец решила не праздновать свои сорок лет, а отметить юбилей неожиданно, если не сказать безумно – п осетить сайт знакомств «Твой шанс». Тут действовать нужно было осторожно и незаметно, мало ли что... На сайте требовали фотографию и сведения о себе. Марианна повесила черно-белое фото Греты Гарбо в среднем возрасте. Подруга Ньюша говорила, что в ней есть что-то от Греты Гарбо. Под фотографией Марианна поместила строгий текст с обилием скрытых цитат и иронических намеков и начала поиск. К вечеру ей стало ясно, что человечество обречено на самоуничтожение, апокалипсис совсем близко, и ничего тут, увы, не поделаешь. К счастью и очень вовремя, пришла Ньюша с вином, поздравила с юбилеем, под села к компьютеру.

– Ну как? Попался кто-нибудь приличный?

– Хороший вопрос. Вот только что мне написали личное сообщение следующего содержания: «в жизни я более симпатичный, чем на фото». Да, симпатичный через «о». И подпись – Русич.

– Да забудь, ищи другого.

– Но согласишься, если ты русич, то хоть русский язык выучи немножко.

– Мариша, вот ты у нас, допустим, грамотная, зато ты не умеешь бани строить, а он, возможно, умеет. – Ньюша была права. Ее муж как раз строил бани и неплохо зарабатывал. Ньюша вот уже в третий раз ушла в декрет со словами «могу себе позволить». Директор их издательства все мечтал ее уволить, но не знал как – уж больно ловко она перепрыгивала из одного декрета в другой.

– Смотри, Ньюш, тут еще кто-то прислал мне смайлик. И какое трогательное фото! Мужчина, застегнутый на все пуговички, в кустах цветущей вишни, а в руках веточка... Прямо эльф какой-то. Он мог бы еще венки из лютиков надеть...

– Просто он ищет сильную женщину, забудь про эльфа, смело иди вперед. Вот этот как на тебя смотрит?

– Про этого я уже прочитала. У него любимый художник – Дали. Тут у каждого второго любимый художник Дали. Это считается у них очень круто. Прямо клуб любителей Дали «Твой шанс».

– Ты, главное – не отчаивайся. Вот погляди-ка, срьезный человек при галстукe, в кафе, у моря... Я сто лет не была на море! У Васи летом строительный сезон. Ты глянь, глянь, я подозреваю, он бизнесмен...

– И за столиком с едой сфотографировался. Что он хочет этим сказать, как ты думаешь? Что он неплохо питается? Неплохо устроился в жизни? Может, он считает, что еда украшает человека?

– Возможно, это был счастливый момент в его жизни.

– Ну да, ну да. И заметь, какая гигантская порция! Такого не прокормишь. Когда мне готовить, Ньюша, когда? С моим-то графиком работы! Тут опять вон прислали рукопись на двадцать авторских...

– Забудь хоть сейчас о работе. У тебя день рождения вообще-то. Смотри, вот худенький – некто Иван. Он наверняка мало ест. Эффектный брюнет. Хотя не факт, что худенький мало ест. Мой Вася худой, а ест очень много, мягко говоря...

– Твой Вася труженик, а у этого слишком модная кофточка. И собака на первом плане, и у собаки вид какой-то запуганный. Этот Иван явно командовать любит, на физиономии написано.

– Да ну тебя. Человек заботливый. Вот сумел вырастить такую большую собаку. Хорошо, когда человек любит животных, я считаю!

- Гитлер тоже любил животных. А людей как-то не очень. Знаем мы этих собачников.
- Тут, кстати, и с кошкой есть... некто Игорь.

– Ты издеваешься надо мной? – Марианна посмотрела на Ньюшу исподлобья, и взгляд этот был красноречив. Ньюше стало даже как-то неловко за Игоря с кошкой. Действительно – д алась ему эта кошка. Неужели, кроме кошки, ему не с чем сфотографироваться. На экране что-то мелькнуло и пикнуло.

- Смотри, он прочел наши мысли: «Игорь послал вам знак внимания – подмигивание».

- Пускай кошке своей подмигивает. Листай уже лучше следующего!

– Знаешь, ты слишком строго настроена. Это же не текст, который надо редактировать, это люди.

– Я не виновата, что их в детстве не отредактировали. Не воспитали, не научили ничему. А мне теперь с этим всем возиться... Ой, смотри! Тут китаец.

– Кстати, китайцы очень трудолюбивый народ. У моего мужа была бригада китайцев. Хорошие люди, я с ними подружилась, и едят не так уж много. Борщ очень любят. Смотри, этот пишет по-русски. Может, он филолог?

Сон Чан. Когда я 18 лет, Красивая женщина появилась в мое сновидение. Ее глаз был зеленым цветом. Она расцеловала к мне и прошептала, «Будущее, мы встречаем и находимся в вечная влюбленность. Это destiny». Я хотел бы встретить той женщине. Я продолжаюсь искать она. Я ищу женщина появилась в мое сновидение.

- Не, он не филолог, это гугл-переводчик постарался. Давай следующего.

Михаил. Я обыкновенный человек со всеми достоинствами и недостатками. Я не люблю толстых. Толстым не отвечу! Без обид! Я люблю путешествовать и заниматься фитнесом, плаванием и флоатингом. Если вы толстая – не пишите мне, я не отвечу!

Марианна даже покраснела от возмущения.

– «Со всеми достоинствами и недостатками». Да он сверхчеловек. Надо написать ему «глупец вы со всеми достоинствами и недостатками». Но лень.

- Да что ты так на него! Ты же вроде не толстая.

– Может, мне за других толстых обидно. Сам дурак, а еще и худенькую себе хочет. Не слишком ли он много о себе думает?

– Ты все близко к сердцу принимаешь. Вот, погляди какой Виктор. 50 лет. Импозантный. Доброе лицо. И в глазах грусть – словно он пережил много горя... Горе облагораживает человека.

- Это который в белом костюме, в белых туфлях и на фоне православного храма?

- Что плохого, что человек верующий? Надежный по меньшей мере.

– Да, но ты почитай анкету (тут нужно прибавить, что Марианна владела навыками скоротения – вот почему ее разочарование опережало надежды Ньюши).

Скромный, умный, спокойный мужчина без вредных привычек. Желая познакомиться с доброй, стройной, милой, нежной, понимающей, преданной, ласковой девушкой без жилищных проблем. Строго православную. Грудь не менее 2 размера. Фото строго в полный рост.

Строго москвичку. Строго центр.

- Мда, – тихо сказала Марианна, – мда.

– Смотри-ка, я, кажется, нашла твой вариант! Скромняга на фоне дачного щитового домика. Знаешь, я считаю, что тебе нужно искать человека, твердо стоящего на земле! Близость к земле важна в нашем с тобой уже немолодом возрасте.

– Ну да, ну да. Привыкать пора... к земле-то.

– Да кроме шуток, правда. На даче интернет проведешь и работать сможешь.

– Не думаю. Эти домовитые мужики – хуже нет. На грядку его наступишь и врагом станешь на всю жизнь. Они же куркули, собственники! У них же каждая клубничка посчитана. И если он на дачу позовет, так работать до зари заставит же. Синхронно лопатами махать. Ну давай глянем дачника, что ли.

Валерий. Ищу бездетную даму. Москвичку. О себе: 1 м 55 см, темный шатен. Музыкальные предпочтения – Визбор, Никитины. В жизни высоко ценю социальную справедливость, взаимное доверие и способность сжигать мосты.

– Что я говорила! – Марианна победоносно стукнула по столу ладонью.

– Что ты говорила?

– Бездетную! Чтобы дачу никому не завещать! Любители бардовской песни – э то те еще любители. Милая моя, солнышко лесное, а у самих семеро по лавкам во всех городах, где фестивали авторской песни проводились. Как, прости господи, помрет, так все эти потомки будут на дачу претендовать.

Нюша уважительно и испуганно взглянула на Марианну. Какое живое воображение, как развивает сюжет! Нюша вот уже пять лет писала роман о любви, но с тремя детьми какое там творчество...

А у Марианны получилось бы с ее трезвым взглядом на жизнь. Иронический детектив, например...

– Смотри, вот еще человек с рыбой в руках, – сказала Нюша уже почти без надежды. – Добытчик в дом. Рыба такая, заметь... крупная...

– Какие в наше время добытчики, дорогая моя наивная девочка! Он, конечно, добудет какого-нибудь мутанта в городском пруду, а потом на радостях полдома пропьет, пока будет победу праздновать. Все охотники и рыболовы – в глубине души бабники, им что рыбу ловить, что женщин – никакой разницы. Им главное – поймать. А потом изжарит, утолит, так сказать, голод и пойдет ловить других.

– А мой тоже рыбак! – и спуганно сказала Нюша и помрачнела.

– Вася твой рыбак-исключение. Он труженик, ему некогда по бабам...

– И все равно мне надо бы к нему получше присмотреться... И любит на рыбалку без меня ездить... с чего бы это, а? Кстати, по твоей возрастной категории осталось всего несколько анкет! Вот таинственный незнакомец в черной шляпе. По имени Странник...

– Ну если странник или чародей, то обязательно еще скверные стишки вешает, таков закон вселенной. Читай, я готова наслаждаться:

*Раскрылась нежная душа
Совсем немного потихоньку
И осторожно, не спеша
Я подойду к тебе – котенку.*

– Чтоб ему пусто было... – Марианна потушила сигарету, да так, словно раздавила Странника. Она опьянела и осмелела от отчаяния. – Слушай, давай найдем кого-нибудь побрутальнее. Вот на мотоцикле, весь в коже, такой прямо весь черный человек...

Ищу партнершу для совместного проведения досуга, проживающую в пределах ЦО. Я ИЩУ СЕБЕ НЕ ТЕЛО, НАДЕЛЕННОЕ ДУШОЮ, Я ИЩУ СЕБЕ ДУШУ, ЧАСТЬ КОТОРОЙ НАЗЫВАЕТСЯ ТЕЛОМ!

– Философ!

– Не только! Он еще и твердо стоит на ногах! Читай дальше: *Предлагаю вашему вниманию классический расслабляющий и антицеллюлитный массаж. У вас дома.*

Марианна молчала и только смотрела в экран исподлобья. «Вторая стадия опьянения», – подумала Нюша, которая и сама немного напилась, но продолжала надеяться и упорствовать. После развода Марианны Нюша вот уже лет пять чувствовала перед ней вину за свое семейное счастье, за свою синицу в руке. Ей искренно хотелось выдать подругу замуж или хотя бы найти ей сердечного друга:

– Смотри, какой эффектный – на горных лыжах! А вот он штангу поднимает! Пишет, что ищет нормальную женщину.

– Думаю, этой нормальной женщине должно быть не больше 25. Какой смысл столько сил и денег тратить на фитнес, чтобы в итоге обзавестись сорокалетней старушкой.

– В тебе начали просыпаться комплексы!

– Я просто трезво смотрю на жизнь.

– А по-моему, ты напилась. Вот и Чародей к нам пожаловал! Послал подмигивание!

– Все идет по плану. Сейчас еще какой-нибудь Дикий или Неистовый подтянется.

– Смотри, что Чародей пишет: *Я почувствую вас астрально! Ищу Ж. или пару ЖЖ, или МЖ или М. от 18 до 60 лет.*

– Широкий человек! Воистину чародей. Но я, Нюша, собираюсь завершить наш небольшой эксперимент. Вина больше нет?

– Давай налью, сиди.

В компьютере пискнуло, и в уголке высветилось окошко «Геннадий прислал вам личное сообщение»: «Привет, Грета!»

– Нюш, глянь! Глянь скорее! Что-то интересное. Он первый распознал Грету Гарбо.

На фото полный лысый грустный человек в круглых очках, на старом диване, с огромным рыжим котом на коленях. Позади, на стене, православный календарь.

– Этот интересный? Ты же говорила: кот и храм не подходят!

– Да ты читай-читай! Мне правда нравится.

45 лет. Я небогат. Люблю сладкое. Робкий. Зануда. Живу с мамой. Машины нет и не будет – у меня клаустрофобия. Аллергия на косточковые и цитрусовые. С женщинами застенчив. Целуюсь плохо, судя по всему. Храплю. Нервный тик – часто моргаю. Все никак не могу защитить докторскую, слишком много справок надо собирать, а я тяжелый на подъем. Но не теряю надежды. Вот и все обо мне. Не проходите мимо!

– И... что? – Нюша внимательно посмотрела на подругу, у которой загорелись сразу глаза и щеки.

– Как что! По-моему, он прекрасен. Оцени, во-первых, степень искренности! И какая манера! Коротко, просто, ясно, какой ритм! Ни слова не выкинешь из этого сообщения. Все на своих местах. Вот так и надо писать! Я ему отвечаю. Марианна улыбнулась и быстро набрала сообщение:

«Привет! Великолепный у вас кот, мой телефон...»

Гоша

В октябре, когда зарядили серые дожди, Георгий Иванович почувствовал, что устал от всех. В первую очередь от жены с ее придирками и упреками; от сына – вялого, скучающего подростка, закатывающего глаза на любое его слово; от любовницы, последнее время начавшей что-то часто обижаться и ставить ультиматумы; и даже от работы: от всей этой бюрократии начала года, от составления планов, ненужных анкет, дурацких заседаний кафедры – невыносимо. Все от него чего-то хотят, требуют, всем он должен... Георгий Иванович уговорил коллегу подменить его будто бы по болезни, прибавил к выходным три дня и уехал на дачу один. «Пять дней свободы и полного одиночества» – от этой простой мысли он улыбался в электричке, улыбался, когда ждал автобус на промозглом ветру, когда шел по мокрой траве к деревянному домику, подбирая с земли антоновку и поздние, медовые груши с жесткой темной кожицей. Даже ветка, хлестнувшая по лицу, не разозлила его. Он любил эту старую дачу как старого друга, который не обманет – всегда примет, всегда успокоит. Помимо прочего, этот друг помнил и о его былых успехах на любовном фронте, был, так сказать, сообщником. Словом, не дача, а островок свободы в однообразной респектабельной жизни профессора филологии. В доме он первым делом посильнее растопил печь, на скорую руку сварганил холостяцкий обед из лапши быстрого приготовления и сосисок, жаренных с луком, достал из погреба домашнюю рябиновую настойку, которую всегда держал на случай, если придется наведаться сюда одному или (что случалось теперь редко) не одному. До вечера ровно ничего не делал, только собрал под дождем черноплодную рябину, засыпал сахаром и ел с чаем, сидя, укутанный в плед, в кресле-качалке на веранде и обдумывая свой следующий лекционный спецкурс «Феномен французского любовного романа». Вечером напился кофе, чтобы немного продлить этот тихий день, и уселся в кресле с томиком любимого Мопассана на французском. А ночью стало так тихо, что было слышно, как в соседней деревне мычит корова и лают собаки. Дачники их небольшого поселка все уже разъехались, только откуда-то слева, видимо, из домика сторожа, тянуло в форточку печным дымком.

Георгий Иванович не прочел и пяти страниц, когда ему вдруг показалось, что кто-то тихо, но отчетливо позвал его: «Гооша! Го-оша!» Он пожал плечами – чего только не почувдится в этой гробовой тишине, – снова взялся за книгу. Через минуту опять, негромко, но отчетливо: «Гооша!» Ему показалось, что голос какой-то чудной, сдавленный, словно говорил человек, не вполне нормальный. Георгий Иванович посмотрел в окно. Выключил свет в комнате и снова посмотрел – и ничего, только мокрые ветки качаются на ветру. Не успел отойти от окна, как снова: «Гооша...Гооша...» Профессор разозлился: резко встал, вышел в сени, взял там фонарик и нож, мысленно ругая себя, что за лето так и не удосужился наточить его, и осторожно отворил дверь на крыльцо. Озираясь, обошел домик. Прошелся по саду. Никого. Вернулся, отдышался, опять сел в кресло у окна.

– Гооша.

– Да что такое! – крикнул он в форточку. – Кто тут?

Голос надолго замолк.

Георгий Иванович решил, что переутомился и нужно поскорее уснуть. Он лег одетым, положил рядом нож и фонарик. Уснуть не получилось, он ворочался и вслушивался в тишину. В конце концов включил свет, сел у окна и открыл книгу. Когда его в очередной раз позвали, спина его покрылась холодным потом, а зубы застучали. Галлюцинации?.. Обидно. Может, настойка виновата? Говорят, рябина сужает сосуды.

– Гооша!

Георгий Иванович швырнул книгу в окно, она стукнулась о стекло и приземлилась на подоконник. Он повалился на кровать и заткнул уши. Промучившись ночь, уснул под утро.

Проснулся к обеду, и все произошедшее накануне показалось дурным сном. Весь день он читал Мопассана и почти ничего не ел – аппетита не было. А вечером, часов в девять, он стоял в саду, глядя на мутный закат и собираясь уйти спать, как вдруг из кустов послышалось вчерашнее «Гооша». И шорох, словно кто-то довольно крупный ворочался в кустах, лежа на земле. Георгий Иванович вскрикнул и убежал в дом. Он теперь убедился, что сходит с ума. Посмотрел в зеркало: глаз дергается, лицо измученное. Но что же теперь? Скорую вызывать? Но как? Увезут в какую-нибудь ближайшую психушку – сидеть там с алкашами и бомжами, такой позор, нет, нет. Хорошо бы для начала выспаться, но он, как назло, не взял с собой снотворное и всю ночь опять ворочался, вслушиваясь, мелко дрожа. Под утро, когда открыл окно и его тут же снова позвали, он начал молиться и каяться. Он не был мистиком, о Боге не думал, но в эту ночь ему показалось, что Он есть и решил покарать его за грехи. Маркиз де Сад, Мопассан, Моэм – в се эти люди, ведшие не слишком праведный образ жизни, повредились в уме под конец. Как-никак, а тенденция... Вот и я туда же. Зачем мне эта Валя – мы с ней уже шесть лет, и она постарела, я давно не люблю ее, никогда к ней не перееду, как она все еще глупо мечтает, – зачем же обманывать? И себя, и ее, и жену, и всех. А та студентка в прошлом году... вспомнить стыдно. Она надеялась, что я за это напишу ей кандидатскую. А другие истории... Вот за все это и пришла мне расплата. А как я на коллегу настучал три года назад! Вышло нечаянно, в пылу спора, но все-таки, все-таки... Черт возьми, обидно, что нервы подвели меня, как раз когда мечтал отдохнуть от всего, начать новую жизнь...

«Гооша» – продолжали звать его, и Георгию Ивановичу смертельно захотелось уехать домой – к жене и сыну, увидеть рядом живые лица, словом с кем-нибудь перемолвиться, посидеть на «папином диване», как говорили в семье. Может, даже посидеть так в последний раз, прежде чем безумие накроет его с головой. Глупо сойти с ума одному на даче... Он вообразил, как родные находят его сидящим скрючившись в углу, за печкой, голым, с безумными глазами, грызущим яблоки и плюющим косточками. Или дом сожгу, чего доброго... Нет, нет, поехать домой, купить успокоительных, записаться к психиатру, и все пройдет. С такими делами медлить нельзя.

– Гооша!

И пойти потом еще исповедаться, лишним не будет, кто его знает, а Вале письмо напишу покаянное. Мол, прости, дурака, врал тебе, обещаниями кормил... Да, и пусть поп это самое... епитимью, что-нибудь такое... Говорят, в некоторых случаях это помогает. Психологически.

Автобус до станции ходил один раз в день, и Георгий Иванович позвонил знакомому таксисту Боре из деревни. Быстро собрался, закрыл дом, испуганно озираясь, запер ворота, сел на скамейку и закурил. Наконец показалась знакомая разбитая «тойота».

– Здорово, Юрик, чего это ты в такую погоду на дачку, да еще один! Ладно бы еще с сударушкой, она бы хоть согрела, – как всегда беспардонно заговорил Боря. Его глупая улыбка несказанно раздражала.

– Да вот книгу забыл нужную, пришлось приехать за книгой. – Георгий Иванович, все еще озираясь, сел в машину. Оба немного помолчали, Григорий Иванович уныло глядел на серое морозящее небо.

– А, кстати, ты про Гошу-то нашего слышал? – спросил Боря.

Георгий Иванович похолодел. Ему стало настолько не по себе, что застучало в висках и свело живот. Он нагнулся и притворился, будто ищет что-то под сиденьем. Так вот оно какое! Безумие!

– Про Гошу, говорю, слышал? – В зеркале оскалилось беззубое лицо Бори.

– Так это я сам вроде – Гоша, – совсем потерянно шепнул Георгий Иванович.

– Да при чем тут ты, я про ворона. Ворон у нас тут повадился. Раньше у Бариновых жил в коттедже, а как они коттедж продали, отпустили его на волю, вот и шныряет теперь то по дачам, то по деревне – попрошайничает. Прилетит и трындит свое: Гоша-Гоша, Гоша-Гоша,

как попугай. Это Баринов и обучил, Барина самого ж Гошей звать. Мы этого воронюгу всей деревней кормим. Умный, зараза, любит особенно вечерами прилетать, к тем окнам, где свет горит. Соображает. Спрячется на крыше или в кустах и давай: «Гоша-Гоша». Говорят, они сто лет живут – эти вороны.

Георгий Иванович выдохнул и нервно захохотал – х охотал он долго, с облегчением. Боря широко беззубо улыбался, довольный, что история вызвала такую бурю веселья.

– Так вот что! Ворон. Невермор, значит. Гоша! Слушай, Борь, поворачивай назад. Я тебе заплачу, поворачивай.

– Обратно, что ли?

– Обратно, обратно, у меня еще три дня в запасе, не догулял я свое, имею право побыть один, в конце концов. И с Гошей твоим познакомлюсь. Поворачивай.

Семейная реликвия

Журналист Владимир Познер в программе «Не верю» высказал мысль, что если бы Бог существовал, то не стал бы создавать бесполезных существ вроде клопов. Мол, это нелогично. Осмелюсь возразить: клопы существуют для того, чтобы нам жизнь медом не казалась и еще чтобы о них в своих романах и рассказах упоминали Достоевский и Чехов, живописуя уездные гостиницы, ночлежки и трущобы. Вот сейчас о клопах никто не пишет, они и перевелись почти. В мире нет бесполезных существ. Возьмем, к примеру, черепах. В детстве я мечтала завести лошадь на балконе, а дома большую черную собаку породы ньюфаундленд. Однако в жизни выходит так, что ты много лет мечтаешь о лошади, а покупаешь черепаху. С годами душа твердеет, как черепаший панцирь, и ты выбираешь уже не друга, а часть интерьера, сувенир. Меня привлекало долгожительство этой рептилии и ее прочность во всех смыслах. По задумке она должна была, как семейная реликвия, переходить к моим детям и внукам.

Продавец черепах скрывался в самом темном уголке Птичьего рынка. Мрачный неприятный человек, воровато оглянувшись по сторонам, откинул крышку ящика, и я увидела гору панцирей, обмотанных скотчем так, что лапки оставались внутри, и одни только морщинистые шеи вытягивались в безмолвной мольбе.

Нужно сказать, есть огромная разница между черепахой, живущей в нашем представлении, черепахой из передач о животных – неспешной, гордой, увеличенной на экране телевизора до величины динозавра, и этой жалкой кучкой в коробке браконьера. В большой и беспорядочной толпе даже люди теряют свое лицо, что же говорить о черепахах, которые, казалось, в этом ящике перешли из разряда живой природы в разряд неживой.

Я подняла укоризненный взгляд на продавца и мысленно произнесла такую речь: «Человек! Твой далекий предок верил, что наша огромная Земля стоит на черепахе и медленно движется в морской пучине. И как ты поступил с этой чудесной сказкой?

Обмотал ее скотчем, швырнул в коробку! Безотрадное зрелище!» Все это я высказала молча и, подобно любимой народом Анджелине Джоли, решила подарить обеспеченную жизнь не одному, а нескольким живым существам. Вынула из ящика двух черепахат, расплатилась с безразличным бородачом и поспешила домой, грея склеенные скотчем, завернутые в платок камни за пазухой. Дома я их освободила, помыла под краном и расположила обеих (или обоих, я так и не разобралась с их полом) друг против друга, ожидая увидеть их радость и веселую беготню. Но мои питомцы меланхолично расплзлись в разные стороны, не обратив друг на друга, равно как и на меня, никакого внимания. Я объясняю их необщительность тем, что черепахи – животные древние и давно научились не нуждаться в чьем-либо обществе.

Возможно, поэтому они так долго живут. Если вы экзистенциалист, то черепаха – ваше животное. У многих народов считается также, что черепахи очень мудры. В чем проявляется их мудрость, не знаю – в озможности, в умении многое видеть, понимать, но не реагировать. Они не спорят, не перебивают, не капризничают, вообще – почти не высовываются. Одну особенность характера я, правда, заметила: они вольнолюбивы. Если посадите в аквариум – будут биться о стены панцирем. Не истерично суетиться, как это делают менее благородные хомячки или крысы, а биться – размеренно, ритмично, день и ночь, день и ночь. Как только отпустите гулять по квартире – они успокоятся, найдут самый теплый угол и уснут. Черепахи, как и все живое, любят весну. Весной они тоже готовы влюбляться, но им для этого необходимо слишком много условий: солнце, песок, чтобы закапываться, молодые одуванчики или другая питательная пища. Без нужных условий они просто не замечают друг друга. Душная московская квартира не приспособлена для флирта черепах. А вот люди как-то умудряются заводить служебные романы в пластиковых офисах – удивительно. Тем не менее, когда из открытой форточки тянет весенним воздухом, мои питомцы выползают из своих углов, приподнимают свои

панцири, потягиваются и, если это можно так назвать, ускоряют шаг. Однажды весной я была свидетелем редкого и страшного явления: одна из черепах широко раскрыла пасть и что-то несколько раз выкрикнула древним утробным голосом. Это был вопль самого времени, глас вопиющего в пустыне, отчаянный вопрос природы человеку: мой милый, что тебе я сделала? Как будто камень заговорил.

Главный минус черепахи, как домашнего питомца, в том, что она твердая. За ушком ее не почешешь, не потискаешь, как котенка. Звать черепаху по имени бесполезно. В этом тоже проявляется их протест против поработителей. Сначала я назвала их Васко да Гама. Потом попробовала вариант более домашний: Мамин и Сибиряк. Без толку. Так что привязанности от черепахи лучше не ждать. Но она научит вас другому – терпению. Всякий раз, желая ее покормить, вы будете терпеливо ползать на коленях по квартире и всматриваться в темноту под диванами и столами. Едят они столько, сколько дадите. Ничего не дадите – пойдут спать.

Но не делайте поспешных выводов, будто от черепах нет решительно никакой пользы. Это не так. Однажды Мамин и Сибиряк спасли меня от докучливой дальней знакомой, которая регулярно раза три в год останавливалась у меня в гостях, чтобы посмотреть Москву, но осматривала только магазины, где проводила все дни, а ночами вместе со знакомой ночевали у меня ее покупки – матрасы, люстры, утюги. Не знаю, сколько еще лет продолжался бы ее туристический шопинг, если бы однажды эта знакомая не провела страшную бессонную ночь, во время которой ей казалось, что некий барабашка, размножившись, скребется по углам и цокает по полу под ее кроватью. То были Васко да Гама, которых я как раз тогда завела, но забыла ей о них сказать. Они проснулись ночью и пытались убежать от сквозняков, которые любила устраивать моя энергичная знакомая. Наутро я сказала ей серьезно, что у меня действительно обитает полтергейст, возможно, это барабашки, я кормлю их капустой, и они ужасно не любят гостей. Знакомая посоветовала мне пить антидепрессанты и перестала у меня бывать. Правда, иногда она звонит и любопытствует, как там мои барабашки. Я отвечаю, что иногда вижу их. Они круглые, как летающие тарелки, и я учусь гадать по их панцирю.

Часть вторая

Простые рассказы

Герой-любовник

Она все-таки уговорила главреда позволить ей взять интервью у актера Бельского – к апризного скандалиста. Интервью их журналу он уже давал дважды, с условием, что увидит его до публикации, и оба раза, перечитав собственные слова, оказывался недоволен: угрожая судом, запрещал отдавать в печать. Говорили, он так поступал часто, и последнее интервью с ним выходило лет десять назад. Для Полины это задание должно было стать или звездным часом, или провалом, после которого хоть уходи из журнала. Ей давно уже не давали ничего стоящего. Жена (и заместитель) главреда невзлюбила ее, как иногда красивые стареющие женщины не любят молодых – без причины, без ссоры, а просто невзлюбила, и все. Рубрику «Здоровье» Полина давно мечтала бросить – н адоело тратить жизнь на заказные восторги по поводу пророщенной пшеницы в вакуумной упаковке и какого-нибудь новомодного флоатинга. Хотелось расти, а творческий рост она понимала, в основном, как возможность знакомиться со знаменитостями.

Бельский был кумиром ее покойной матери в молодости. Полина, готовясь к разговору, пересмотрела его фильмы и записи спектаклей. И в кино, и в театре ему давали роли аристократов, принцев в сказках, чеховских интеллигентов, часто – героев-любовников. Игра его показалась ей местами нарочитой, с прицелом на духовность. Многозначительные взгляды из-под подкрашенных по тогдашней моде ресниц, преувеличенно небрежные позы, когда играл иностранцев, и чересчур элегантные жесты – к огда дворян. Ему лучше удавались второстепенные роли, в которых он расслаблялся и действительно становился очень привлекательным. Много лет у Полины дома висела прикрепленная к зеркалу-трельяжу черно-белая фотография Бельского. Когда мать умерла, трельяж отвезли на дачу, а фотографию, кажется, выбросили. «Твое лицо в его простой оправе своей рукой убрал я со стола» – в спомнила Полина и улыбнулась, подходя к его подъезду. Внезапно ее охватила страшная робость, и все мысли вылетели из головы. Так, наверное, чувствовал себя Иван-дурак, посланный за Жар-Птицей. Но остались ли у постаревшей Жар-Птицы ее роскошные перья? Удастся ли заполучить хоть одно? Дверь открыл сухой белый старик с длинным подбородком. Знаменитого советского героя-любовника можно было узнать по удивленно приподнятой брови и взгляду, давно потухшему, но все тому же знаменитому взгляду с фотографии. Актер замер в дверях и некоторое время рассматривал Полину, выдерживая паузу. Все утро она выбирала наряд для него. В конце концов откопала в мамином дальнем ящике ее польское шерстяное платье (уже винтажное) и накрутила кудряшки, заколов сбоку заколкой в стиле «ретро». Когда-то она слышала от старой актрисы, что известные герои-любовники, в юности не могущие пропустить ни одной легко доступной девицы, в старости питают слабость к чистым душам старомодных девушек. Полина снова улыбнулась как можно скромнее и опустила глаза.

Он отступил, впуская ее:

– Значит, вы тоже из этого злополучного журнала! У вас там бог знает кто работает... Неучи какие-то...

– Я не совсем журналист, просто люблю ваши работы и...

Бровь опустилась. Взглядом он сказал: «Да ты ни одного моего фильма наверняка до конца не досмотрела, пигалица», а вслух, тоном повелителя: «Наденьте тапочки и проходите».

Полина подумала, что старик умнее, чем кажется, и решила вот что: не буду слишком стараться, с этим лучше вести себя естественно, а там будь что будет.

Одинокие, забытые актеры часто живут безалаберно, но у Бельского сияла чистота и было даже что-то патологическое в четкой симметрии расставленных на полке тапочек. Она надела самые маленькие, старомодные – наверное, принадлежавшие когда-то одной из его любовниц, и села на диван. Он жил в большой комнате-студии, увешанной его портретами и фотографиями в разных амплуа – вполне предсказуемое убранство. Старинная ухоженная мебель и ни одного современного предмета – ни безделушки. Телевизора тоже не было, только старый компьютер. На экране светилась страничка ютуба с театральной постановкой на паузе.

– Давайте начнем без вступлений, что вы хотели узнать?

Она вынула диктофон. И зачем только связалась в это? Безнадежно...

– Мне очень понравилась ваша роль в «Иванове», расскажите о ней.

Сощурил глаза:

– Об этой роли редко вспоминают. А что рассказывать? Мне уже ничего не интересно, я даже книг не читаю толком – так, нюхаю. Но если нужно, то извольте, давайте об «Иванове». – И он, зевая, рассказал, как и с кем снимался, как разбирал роль. Прибавил даже несколько баек, но не слишком веселых. Когда повисла пауза, Полина замялась, смутилась. А потом сказала то, что заранее приготовила, но все не решалась...

– Знаете, моя мать была красавицей, но очень поздно вышла замуж, очень поздно родила меня. Она искала мужа, похожего на вас.

– И как? Удалось?

– Нет, конечно. Мой отец был врачом.

– А она случайно не писала мне писем? – Бельский помолчал, задумался. Потом взял Полину за руку и подвел к секретеру, открыл дверцу и вынул большую коробку, набитую письмами поклонниц. В отдельной, увесистой стопке, перетянутой резинкой для денег, были письма с фотографиями. Он стал вынимать наугад и показывать Полине. На оборотах карточек иногда были начертаны номера телефонов. Показав фото, он аккуратно убрал его обратно в конверт.

– Вы их сохранили, надо же!

– Выбрасывать – значило бы проявлять неуважение к женщине. – И длинное лицо его приняло то нарочитое выражение, какое он напускал на себя, когда играл «положительных» персонажей. – А вот эта хорошенькая, правда? – И нарочитость сменилась самодовольной улыбкой.

– Да, очень.

– А эта круглолицая на Гурченку смахивает.

– Действительно.

Она не решалась продолжить вопросы, понимая, что ему просто приятно перебирать эти фото при ней. Наконец он закрыл коробку и положил на нее свою большую ладонь с длинными пальцами. Очень красивая, старая рука.

– А ведь сколько тут, в этой коробке, было возможностей: чувств, ощущений, радостей, трагедий, восторгов... Правда? Вы кофе будете?

Он сварил ей на идеально чистой плите в старой медной турке отличный кофе. Добавил ей ложку ликера, а себе наполнил рюмку до краев и выпил. Угостил печеньем и, глядя, как она ест, словно отрешился, что-то вспоминая, уносясь мыслями в молодость... Потом смягчился и перешел на доверительный тон:

– Я только одно письмо порвал. Оно тоже было с фотографией и с телефоном. Почти все лица на этих карточках мне казались тогда не слишком интересными, даже хорошенькие. А у нее интересное лицо было, что-то аристократическое... И письмо неглупое, с юмором и в то же время лиричное... Я его несколько раз перечитывал, улыбался, собирался позвонить,

но работа отвлекла, и роман был у меня тогда... Глупый, ненужный роман. Не позвонил, а потом потерял письмо. Искал его, жалел, что не позвонил сразу. И лет через десять, когда ремонт делал, нашел нечаянно – за комод завалилось. Перечитал – будто свежим ветром в окно повеяло. Позвонил. Трубку мальчик взял. «Мама, тебя к телефону!» Я трубку повесил. А это мог бы быть мой мальчик. И я что-то разозлился и порвал письмо... – Он очнулся и сдвинул брови, сердясь на свою откровенность. – Разумеется, этого всего в интервью не должно быть, надеюсь, вы понимаете.

Но в конце разговора он снова попросил ее выключить диктофон, мягко положив свою руку на ее, потом поднялся и произнес короткий монолог Глумова – удивительно живо и легко, словно каждый день эту роль играл:

– Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды!

Бельский молча поцеловал Полине руку и встал, показывая, что аудиенция окончена, учтиво проводил ее до дверей, подал зонтик и открыл дверь. Не сказал ни слова, даже не попрощался – чтобы не рассеять впечатление от монолога...

По дороге домой она улыбалась и вспоминала, что ей было известно о его личной жизни. В юности после первых удачных ролей он быстро сделался кумиром советских женщин, баловнем судьбы и ловеласом, потом женился на красавице-однокурснице, и, когда изменил ей, она ушла и забрала дочь. С тех пор он не женился, а она вышла замуж и долго не говорила дочери, кто ее настоящий отец. Когда дочь выросла – не захотела общаться с Бельским – была обижена за мать. У Бельского было множество подруг, но второй раз он не женился и в старости остался один. Полина вспомнила тапочки, идеальные полки с книгами, звонки в редакцию с угрозами. Не забыла ли визитку оставить? Нет, кажется, положила на стол.

Дома она расшифровывала разговор до двух ночи, чувствуя нервное возбуждение и еще отчего-то нежность, словно в пальцах у нее было то самое, желанное перо Жар-Птицы. Она долго не могла уснуть, воображая, как утрет нос этой кичливой супружнице главреда, и улыбаясь в темноте. В семь утра наконец уснула, и тут прозвенел ее мобильный. Спросонья ей сначала показалось, что она все еще слушает запись с диктофона, но нет, это был его голос в трубке, бодрый и спокойный:

– Поленька, сегодня часов в десять можете приходить, вы ведь недалеко живете, как я понял? Я не выспался, но думаю, не обману ваших ожиданий. Поленька, вы меня слышите?

– Я... да, слышу. Я, простите, я перезвоню вам, я еще сплю, я не очень...

– Хорошо, понял, не утруждайте себя объяснениями. Нет так нет. Когда вы пришлете мне интервью для одобрения?

– Все готово, могу сейчас.

– Вот и прекрасно, я жду.

Полина окончательно проснулась от мысли, что интервью не выйдет. Но оно вышло. Актер ответил коротко: «Я доволен, это неплохо». К электронному письму прилагалась фотография, где Бельский в роли Глумова сидит у самовара, подперев рукой красивую голову.

Двое

С ним очень интересно разговаривать. Его любимые слова и словосочетания таковы: «вздор», «бред сумасшедшего», «чушь несусветная», «глупость», «неимоверная глупость», «поразительное невежество», «упойтельная бездарность». Он также любит емкие характеристики: «болван», «кретин первостатейный», «непревзойденный дурак», «смехотворный балбес». О женщинах он отзывается почти всегда одинаково: «я лучше промолчу». Еще он склонен к обобщениям. Всю совокупность современной литературы, например, он характеризует одним словом: «графомания». Именно так – с врачебным ударением.

Она ловит себя на том, что, прежде чем что-то сказать, вжимает голову в плечи и переходит на робкий шепот. Он притворяется, что не слышит, думает о своем. О высоком. Он вообще любит, когда все вокруг молчат. А ее от этого молчания как назло начинают одолевать разнообразнейшие умные и глубокие мысли. И она тихонько начинает: «Знаешь, я подумала». Он останавливается и спокойно произносит: «“Я подумала” – это табу, так не надо говорить».

– А как надо?

– Лучше никак. Лучше дышать свежим воздухом. – Вместо того чтобы обидеться, она смеется и замолкает.

Приезжая в Москву, они любят зайти в книжный магазин «Фаланстер», и, пока она смотрит новинки, он проходит в дальний угол поприветствовать свою книгу. Книга (в единственном экземпляре) вот уже год стоит на полочке рядом с такими же стройными, пыльными соседями. Справа и слева изредка, но все же возникает движение: кого-то снимают с полки, листают и возвращают на место. Если повезет, то уносят с собой. А его книгу не берут, имя на обложке никому ничего не говорит. Всякий раз, подходя к полке, он мысленно произносит примерно следующее: «Купить тебя или еще постоишь? Понимаю, что надоело торчать незаметной скромницей на балу, но если я тебя куплю, то и единственного шанса на чей-то искренний интерес у тебя не останется...»

В один из приездов в Москву она кое-что придумала. Позвала в «Фаланстер» подругу Ирину – филологиню, критикессу и любительницу поэзии. План был прост: подойти к полке с его книгой и, небрежно указывая на бледную обложку, сказать что-нибудь вроде «Смотри-ка! Все еще не раскупили тираж! Последняя осталась!» Ирина, конечно, заинтересуется, откроет, сделает задумчиво-светлое лицо, с трудом оторвется от строк, чтобы улыбнуться им обоим. Пожелает купить и взять автограф, благо автор в кои веки выбрался в столицу. Потом, возможно, напишет глубокую, сдержанно-восхищенную рецензию и, конечно же, будет разбирать эти стихи со студентами.

Ему она ничего не сказала о своем плане и немного волновалась.

Подруга уже успела набрать стопочку книг и, прижимая их к груди, подошла к заветной полке. Похвасталась тем, что уже купила. Биографию У. Мемуары К. Томик стихов М.

– Какая гадость! Я читал это, пошлейшая графомания. – Он брезгливо взял томик стихов М. и как-то весь передернулся, возвращая книгу Ирине.

Повисла пауза. Ирина сконфузилась и сказала, что купила эти стихи исключительно с исследовательской целью, но поджала губы, опустила глаза и обиженно перешла в другой зал. Когда шли вдвоем к метро, он молчал, а подруги мучительно пытались перебрасываться общими фразами. Ирина холодно попрощалась и вошла в метро, а они еще долго бродили по Москве. Ему, конечно, было неловко за свой истеричный выпад, но он редко признает свои ошибки. А она думала о том, как ему мешает жить гордыня и самомнение, о том, что он уже всех ее знакомых распугал, о том, что он все равно лучше всех, и неважно, что подруга обиделась, все неважно, кроме него. И стихи у него прекрасные.

Ей хотелось сказать ему: «Не злись, я тебя люблю», но она предпочла идти молча и «дышать свежим воздухом», пусть даже в центре Москвы он не такой уж и свежий.

Поросенок

Когда ночуешь на даче одна (ребенок не в счет), жутковато бывает проснуться в крошечной темноте и полной тишине и прислушиваться, как на чердаке приبلудная кошка ходит, крадучись, словно вор. Успокаиваешь себя: воры по крышам не лазают – к чему эти сложности, когда окна так низко... А под окнами ежи ночами возятся, фыркают. За калиткой у нас великолепный заливной луг. Охотники в августе там птицу стреляют, выстрелы и возгласы раздаются до полуночи... А вдруг напьются и пойдут по деревне буяннить? Мысли, говорят, материальны. Раз перед рассветом слышались чьи-то шаги под окнами. Осторожные, слишком тяжелые для ежа или кошки. И стук в дверь – такой, будто по сердцу постучали. Оно тут же ушло в пятки. Осторожно встаю, чтобы малыша не разбудить, судорожно одеваюсь и телефон ищу – в милицию звонить. Отделение милиции далеко от нашей деревни, а номер, кажется, в блокноте, сто лет назад записывала, но где этот блокнот? Опять стук. Негромкий, но отчетливый.

Шторку дрожащей рукой отодвигаю и вздрагиваю: в окне маячит лицо – темное и лохматое. «Соседка, это я».

– Что вам надо? Я сейчас мужа позову.

– Да какой там муж, не пугайся, Коля я! Сосед через три дома.

Дядя Коля-алкаш! Ну слава богу.

– Что вам, Коля? Четыре утра.

– Доченька, помираю! Магазин только в десять откроют, я не доживу. Спаси, дочка. У тебя осталась рябиновая? Дочка, спаси, бога ради! На тебя вся надежда.

В самом начале нашей дачно-деревенской жизни этот дядя Коля очень меня выручил. Тогда я была преисполнена восторгов: боже мой, у меня теперь есть настоящая усадьба! Ароматы сада! Закат над полем! Розы! Шмели! Колодезная вода! А вода в разгаре жары вдруг кончилась. Стою со шлангом, слезы предательски наворачиваются, в колодец вглядываюсь – что-то там блестит как будто, но глубоко-глубоко. Как же теперь? Домой уезжать? На счастье, мимо проходил дядя Коля – под мухой, как всегда, но веселый. Заглянул в колодец, сообразил, в чем дело, поднял насос, размотал своими черными железными пальцами трос, закрепил опять и опустил насос поглубже. «Делов-то!» – И беззубо улыбается, довольный собой. Позвала его на обед, и вот тогда он у меня рябиновую настойку распробовал и оценил. А сегодня вспомнил о ней. Пьющий человек может забыть все что угодно, но места, где есть чем поживиться, запоминает надолго. Так что пришла моя очередь выручать. Впустила его на веранду, налила настойки – о н чуть не заплакал от благодарности. Опохмелился и повеселел. «Ну я пять минут еще и побегу».

– Да сидите, сейчас кофе сварю. Все равно уже не усну. Испугали до смерти.

– Ну прости, я ж помирал уже, а гляжу, у тебя фонарь горит, прямо надежду дает, дай, думаю, постучу. – И смотрит так виновато-смущенно, взглядом провинившегося ребенка. Я давно заметила, что в ужимках старых алкоголиков проглядывает что-то детское.

– Я на ночь оставляю свет. После Москвы непривычно спать в такой крошечной темноте и тишине.

– Ты меня не бойся. Я не всегда был таким запойным. Я раньше просто выпивал, да и все. Выпью немного, да и все, и сплю, а на утро как огурец. Даже не похмелялся. Это я не от хорошей жизни...

Трагедия случилась у меня. Тебе мою историю никто из соседей не рассказывал?

И он поведал мне свою историю. Печальную и странную.

– Жил я с женой, сын у нас тоже, в Москве давно. Волк он – ну, из этих, которые на мотоциклах гоняют. Весь в черной коже ходит, как чертенок. А как уехал в Москву, так домой только на Новый год холодца поесть приезжает и в баню. А мы с женой поросят разводили,

она мясо на рынке продавала, так вот нормально жили, да и все. И вот был у нас Боря – поросенок. Не похож на остальных – х удой, смышленный. Я его очень выделял среди других. Эти только жрут, а он все гулять просился, меня как увидит – весь извивается, хрюкает, как собака. Свободы он хотел, любознательный, страшное дело. Ну я его начал дрессировать – у меня же прадед еще до революции в цирке работал. Мне гены передались. Натаскал Бориса на грибы – стал с ним в лес по грибы ходить. Идем по деревне – тогда все местные еще были, дачников мало. Это теперь только летом живут, а тогда еще полная деревня народу. А мы идем, такие вот орлы, да и все, я впереди, и Борька за мной – длинный такой, худой, избыток сил у него был, иной раз как припустит – вприпрыжку, хвост набок, уши прижмет – ну кино и немцы. Все с нами здороваются, улыбаются. А Манька – соседская девчушка – как увидит Борьку – бросается к нему и давай его мусолить, на руки хватает, целует, не может оторваться. Борька поиграет с ней чуток, извернется, вырвется из рук и опять за мной. А пока он с Манькой заигрывает, я в киоск зайду, бутылочку вина дешевого для меня и чипсы ему. А потом мы прямо в ельник, вон в окно глянь, видишь полосу елей? Там раньше тьма грибов была, пока еще дач столько не было. Лисичек тьма – на поляну хорошую набредешь, а там все рыжее. Заходишь в лес туда – и такая прохлада, такой запах! Идешь по мягким иголкам как по ковру. Маслят полно, только ищи. Да что маслята, Борька и белые на раз находил. Толковый был, шельма, любил я его, да и все, мля...

– Вы, Коля, только без матерщины рассказывайте, я не люблю.

– И правильно. Бесовский язык – м ат. Это мне знакомый поп говорил. Кто много матюгается, того черти с большим удовольствием к себе забирают – л юбят матерщинников. Это им прямо бальзам на душу. Я еще стопочку, можно? И закурю, ладно? Но ты не кури – я вот читал, что в старину при Петре табак народ знаешь как звал – адское зелье! Я когда-то читал много, у меня же прадед в цирке работал, интеллигент был. Так вот, кто много курит, того черти в ад с большим удовольствием забирают. С этим куревом такие расходы, тут на опохмелку не хватает, а еще на папиросы тратиться – и правда ад, а не жизнь. Адское зелье – так и есть. Так вот, про Борю. Стали мы с ним что-то вроде достопримечательности. Соседи всем знакомым нас показывали, как мы по грибы идем. Только вот супруга моя Борю невзлюбила.

– За что?

– Да четь ее знает, ревновала, что ли, да и все. Я же надолго уходил в лес. А у нее то одно, то другое, хозяйство, а меня под рукой нема! Ты, говорит, посмешищем стал с поросём своим, ты, говорит, специально предлог находишь, чтобы уйти из дому и напиться. И даже грибы ее не радовали. Ну я, конечно, бывало, в лесу слегка переберу, засну, а Борька-друг сторожит и меня, и корзину, чуть что – такой визг поднимал, будил. Смышленный, чертяга. Бывало, усну в лесу и приду ночью уже, жена орет: «Помешался на поросе своем! Клоун! Только соседей развлекает своим поросем, а про дом забыл!» Она же в пять утра вставала на рынок занимать место. А если я с похмелья – кто машину поведет? Просила соседа – Игорька по прозвищу Порублю. Он как подрабатывал? Ходил по деревне и рубил головы курям, коров резал. «Порублю курочек, свиночек, уточек – порублю». Я раньше сам наших свиней резал, а вот как Борьку приучил – не могу, да и все. Нож прямо из рук падает. Не могу резать живое... Вот она Игорька и просила резать свиней, разделявать и на рынок ее возить, если я пьяный приходил. И как приедет с рынка – мне скандал. Ты, говорит, никакой, ты это понимаешь? Никакой! Да понимаю я, что никакой, я что же – идиот, что ли. Как ругались мы во дворе, аж свиньи со страху замирали, жрать переставали. И только Борька бегаёт вокруг, хвост крючком, чему радуется? Не знал он тогда, что его ждет, чертяга. А под Новый год она позвала Порублю и зарезала Борьку. И ничего мне не сказала. К празднику сын приехал, все хорошо было. Я держался, неделю не пил перед тем, баню ремонтировал. Чтобы сын попарился – он любит. И вот сидим за столом, речь президента слушаем, а жена холодец подает, и так хитро на меня поглядывает, и с сыном

перемигивается. Тут нехорошо мне стало как-то. Вышел покурить и в свинарник. «Борька, Борька!» – зову его, значит... зову...

Дядя Коля заплакал. Я налила ему остатки рябиновой. Он выпил, успокоился.

– Ну дальше понятное дело – назло им всем нажрался я так, мля, черт, как никогда, я бы сказал. Неделю не просыхал, да и все. Молчал, не говорил с ней, дурой. Ей разве понять, что я его учил, растил. Перед соседями-то как стыдно было – не уберег поросю, дурень. А как девчонке, Маньке в глаза смотреть? Она спросит: «Где Боря?» И что я? Сыну говорю: «Как же так?» А он мне: «Ты чего мать обижаешь, пьешь? Нашел себе собутыльника – свинью. Ты еще в свинарник иди пить – совсем уже... Завязывай давай». А я ему: «Борька же личность был, понимаешь? Я его личностью сделал...» А не только жрать... Понимаешь? Просто умный оказался, а это нечасто с ними случается... Мне ли не знать. Я еще при советах на свиноферме навоз чистил. Там с женой и познакомились. Долго мечтали своих поросят завести... Ну да все в прошлом, все прошло, одна водка осталась. Так потом запои мои и пошли... Не хочу рассказывать. Все пропивал, заначки делал, все как полагается. Жена скандалила-скандалила, потом рукой махнула на меня. Сошлась с Игорьком Порублю. Ее можно понять. Я-то никакой давно, а Порублю еще в силе мужик. У них теперь ферма. Она выкармливает скотину, он режет – полная чаша, мля. Прости. В соседней деревне живут, в доме, который я строил. Объединили свои хозяйства. А я ушел сюда вот, к матери моей, она как раз померла тогда. И с тех пор я один. Когда ты спиваешься – в се отворачиваются как от чумы. Все наши знакомые на ее стороне, я во всем виноват. Ну виноват – не спорю. Но поросю-то чего рубить? Был у меня один-единственный преданный мне друг. И того съели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.